

1 *TIME WARS*

Саймон Хоук

Гамбит
Айвенго

Войны времени

Саймон Хоук

Гамбит Айвенго

«Aegitas»

1984

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Хоук С.

Гамбит Айвенго / С. Хоук — «Aegitas», 1984 — (Войны времени)

ISBN 978-0-3694-0332-2

Я хотел, чтобы мои «законы» путешествий во времени (ставшие «Теорией временной относительности») казались как можно более научными, поэтому первым делом я изучил труды Альберта Эйнштейна. Для того, кто не был ученым, это было достаточно непросто. Но его работы дали мне множество идей. И не только идей: работая над своими «законами», я пытался по возможности подражать его стилю. Я также срисовал с Эйнштейна образ профессора Менсингера. «Теория временной относительности» была разработана еще до начала работы над романом, но она увидела свет только в третьем романе серии – «Заговор Алого первоцвета» (The Pimpernel Plot). Для того, чтобы книги были логичными (я с самого начала задумал серию книг), должны были присутствовать определенные согласованные между собой ограничения для путешествий во времени, даже если их «научность» на самом деле была высосана из пальца. Интересно, что все оказалось не настолько бессмысленным, как я думал изначально. Некоторые современные физики публикуют статьи, в которых встречаются мысли, созвучные моим идеям, что я нахожу и странными, и ироничными. Один из моих читателей, аспирант по физике, как-то попросил меня разузнать, где он может прочитать больше о трудах доктора Менсингера. Мне так не хотелось признаваться ему, что я его выдумал.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-3694-0332-2

© Xoyk C., 1984

© Aegitas, 1984

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие	9
1	14
2	23
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Саймон Хоук

Гамбит Айвенго

Посвящается Ричарду Макинрою

Переведено по изданию:
The Ivanhoe Gambit
Ace Science Fiction Books, 1986
Copyright (c) 1984 by Simon Hawke

Русское издание
Перевод: Игорь Бойко

Никто не может работать в вакууме. Я хочу поблагодарить тех, чья постоянная поддержка помогала мне двигаться вперед. Я в высшей степени благодарен Джеффри Краусу и Уильяму Ренну из университета Хофстра, Джорджу Гордону из университета Фордема, Тому Керли из CBS, Карлу Хенсену с планеты Марс, Дону Кейну, завсегдатаям таверны Финнегана в Хантингтоне, что на Лонг Айленде, Джеку Данну, Гарднеру Дозуа и Эдварду Брайанту. Я также хотел поблагодарить моих родителей, мою группу и команду, и всех обычных людей...

Предисловие к русскому изданию

Трудно поверить, что я пишу эти строки через 35 с лишним лет с тех пор, как был впервые опубликован *The Ivanhoe Gambit*, первый роман в моей серии «Войны времени». Это произошло в 1984 году. Я начал работать над романом за год с небольшим до этого. Читатели часто спрашивают писателей, откуда они черпают свои идеи. Сейчас я не могу в точности сказать, что изначально послужило отправной точкой, но я помню, какой была моя мотивация, а она состояла из нескольких факторов. Во-первых, мне всегда нравились истории о путешествиях во времени, но в то же время многие из них я находил неудовлетворительными и даже раздражающими (не буду называть имен). Слишком часто получалось так, что писатель решил отправить кого-нибудь в прошлое, в определенный период времени, после чего не учитывал все, что может произойти в результате. Мне хотелось придумать историю с путешествием во времени, которая была бы хорошо продумана. И я понимал, что это будет непросто. В то же время, я хотел показать молодым людям, что история и классическая литература на самом деле могут быть увлекательными. Я подумал, что было бы здорово взять произведение классической литературы (в данном случае – «Айвенго» сэра Вальтера Скотта) и представить, что описанные в романе события произошли на самом деле, после чего использовать их в качестве сцены, на которой разворачивается моя собственная история.

Мне всегда нравились произведения Рафаэля Сабатини («Одиссея капитана Блада», «Скарамуш», «Морской ястреб»). Я впервые познакомился с его творчеством, когда посмотрел снятый по его роману фильм с Эрролом Флинном в главной роли, что побудило меня прочесть его книги. Кстати, мой псевдоним (а теперь и мое имя по паспорту) я позаимствовал из «Морского ястреба» (*Sea Hawk*). Я был рожден в семье русских иммигрантов, в Нью-Йорке, и при рождении моим полным именем было Николай Валентинович Ермаков. Больше всего на свете, а в то время я был еще очень молод, я хотел вырасти и начать сочинять романы о головорезах в стиле Сабатини. Идея путешествий во времени предоставила мне идеальную возможность этим заняться.

Я также был поклонником творчества Айзека Азимова, особенно мне нравились «Я, робот» и «Пещеры из стали». Азимов, безусловно, был гением, и его "Три закона робототехники" были простыми, но настолько хорошо продуманными, что любому, кто после него собрался бы писать истории о роботах, пришлось бы практически им следовать. Вспомнив, как меня раздражали плохо написанные романы о путешествиях во времени, я загорелся сделать то же самое для этой темы. Но сначала нужно было провести исследование.

Я хотел, чтобы мои «законы» путешествий во времени (ставшие «Теорией временной относительности») казались как можно более научными, поэтому первым делом я изучил труды Альберта Эйнштейна. Для того, кто не был ученым, это было достаточно непросто. Но его работы дали мне множество идей. И не только идей: работая над своими «законами», я пытался по возможности подражать его стилю. Я также срисовал с Эйнштейна образ профессора Менсингера. «Теория временной относительности» была разработана еще до начала работы над романом, но она увидела свет только в третьем романе серии – «Заговор Алого первоцвета» (*The Pimpernel Plot*). Для того, чтобы книги были логичными (я с самого начала задумал серию книг), должны были присутствовать определенные согласованные между собой ограничения для путешествий во времени, даже если их «научность» на самом деле была выведена из пальца.

Интересно, что все оказалось не настолько бессмысленным, как я думал изначально. Некоторые современные физики публикуют статьи, в которых встречаются мысли, созвучные моим идеям, что я нахожу и странными, и ироничными. Один из моих читателей, аспирант

по физике, как-то попросил меня разузнать, где он может прочитать больше о трудах доктора Менсингера. Мне так не хотелось признаваться ему, что я его выдумал.

После того, как книга была продана, обложку заказали известному иллюстратору научной фантастики и фэнтези Дэвиду Берроузу Маттингли. Дэвид блестяще уловил дух книги, изобразив рыцаря в доспехе со щитом в одной руке и дымящимся пистолетом-пулеметом Томпсона в другой и добавив эффект «звездочки» в его забрале. Эта тема была использована и в последующих книгах серии – во втором романе мушкетер держал над головой легкую саблю, а на его лице снова сверкала такая же звездочка. Мне так понравились две эти иллюстрации, что я вытатуировал их на моих плечах. В своем подарочном издании «Искусство Дэвида Б. Маттингли» он использовал несколько обложек, выполненных для моих книг, и упомянул татуировки, заметив, что я, возможно, первый автор в истории с его обложками на теле (не знаю, правда ли это, но саму мысль нахожу забавной).

Артем Симаков предложил собственную версию рыцаря на обложке этого русского издания, не только тематически привязав ее к оригинальному варианту, но доработав его и сделав его во многом своим. Я с нетерпением жду его новых работ на обложках моих книг.

К сожалению, в оригинальных американских изданиях после пятой книги от услуг Дэвида Маттингли было решено отказаться, скорее всего, из-за сокращения расходов издательства, и обложки последующих книг серии были не так хороши, как у Дэвида, что, вероятно, отрицательно сказалось на продажах. Когда я недавно переиздал англоязычные издания, я сохранил оригинальные обложки Дэвида на первых пяти книгах, но для последующих использовал только минималистские обложки без художественного оформления.

С годами книги во вселенной «Войны времени» стали моей самой успешной серией. Я опубликовал более 60 романов, но, вероятно, «Войны времени» принесли мне наибольшую известность. Когда Игорь Бойко связался со мной по поводу перевода этой книги на русский язык, я подумал, что это прекрасная возможность выйти на новую аудиторию и рассказать свои истории новому поколению на языке моих родителей. Сегодня, 35 лет спустя, я продолжаю писать книги, но «Войны времени» всегда будут занимать особое место в моем сердце. Надеюсь, им найдется место и в ваших сердцах.

Саймон Хоук
Гринсборо, Северная Каролина
США

Предисловие

Лукас Прист, старшина корпуса времени армии США, пытался понять, как остановить атакующего самца слона, будучи вооруженным лишь коротким римским мечом. Сципион отдал приказ наступать, и Лукас задумался о том, действительно ли командир легиона верит, что знаменитая римская фаланга нагонит страху на берсеркера вроде Ганнибала. Атака пехотинцев против толстокожих гигантов чем-то напоминала попытку остановить танковую колонну с помощью мотоциклов с коляской.

Лукас превратился в комок обнаженных нервов. Еще совсем недавно он почти все бы отдал за сигарету. Ему удалось протащить контрабандой несколько штук, но его почти застал во время перекура один из трибунов. Осознав размер медвежьей услуги, которую он чуть было себе не оказал, он выбросил оставшиеся. Он был не в состоянии представить, как будет объяснять древнему римлянину, для чего засунул в рот скрученные в трубку дымящиеся листья. Но сейчас, наблюдая за быстро приближающимися слонами, он позабыл о своей нервной потребности в сигарете. Вот бы вместо нее получить новые пирогельные гранаты или импульсный автомат. К сожалению, в его распоряжении был только короткий меч, щит и копье.

Он метнул копье, и естественно это никоим образом не улучшило его положение. Лукас решил, что было бы безумием выступить против стада слонов с огромным кинжалом наперевес, поэтому он швырнул на землю щит и побежал. Немало центурионов пришло к тому же решению, составив компанию Присту в его позорном, пусть и благоразумном, отступлении.

«У современной армии есть для тебя время!»

Слоган рекрутинговой кампании был эффективным, правда, армия никогда не уточняла, как именно происходит измерение этого времени. Неделя службы не казалась чем-то сверхсложным, но это была армейская неделя, измеряемая не временем, проведенным в полевых условиях на минусовой стороне, но плюсовым временем. Настоящим временем.

Во время отправки Лукаса на первую вахту счетчик времени зафиксировал 0700 четырнадцатого сентября. Он провел около года, мародерствуя и насилая в компании Атиллы и его гуннов. Когда он вернулся, на календаре было все то же четырнадцатое сентября... и 0705. Девять месяцев чистого ада и только пять минут плюсового времени, засчитанных в срок его службы. Он запомнил свою мысль в тот момент: если время несется, когда ты развлекаешься, то оно ползет, когда ты в корпусе времени.

У него было меньше причин для недовольства, чем у большинства бойцов. Он был добровольцем. У него было множество более привлекательных вариантов, и никто не выкручивал ему руки. Он получил очень неплохой результат при сдаче тестов на пригодность к использованию, обязательного комплекса экзаменов, которые сдавали все поголовно по достижении семнадцатилетнего возраста. Его очки позволили получить место в лаборатории Вестерли Энти-эйджестик и заниматься исследованиями возможности продления человеческой жизни на еще одну сотню лет. Работа была высокооплачиваемой, но она ему прискучила. И когда армия оказалась неподалеку с демонстрацией своего популистского представления, он отдался ей со всеми потрохами.

Вербовщики реально постарались. Презентация заняла большую часть рабочего дня, и посещаемость была близка к ста процентам. От армии выступал гражданский представитель министерства обороны. Он носил совсем казуальную одежду сочных цветов – персиковый с лесным коричневым облегающий костюм. У него был потрясающий загар и дивный голос. Его официальный титул звучал как директор администрации службы. И это означало, что он был продавцом. Его приветственная речь в изобилии перемежалась шутками и наставлениями, и когда он закончил говорить, пришло время историй успеха. «Такие же как ты» люди, ранее

занимавшиеся «скучной и невзыскательной работой», выходили на сцену и рассказывали об удивительном приключении, которым стала для них армия. Как Лукас понял позже, они всегда следили за тем, чтобы хотя бы один из выступавших оказывался «бывшим работником твоего же профиля».

За выступлениями последовал парад униформ, модное шоу, в котором было что-то для любого из присутствующих. Солдаты, демонстрирующие форму пехотинцев Первой мировой, апачи, коммандо в португезах и прусская кавалерия – все как на подбор были красавцами, которые просто излучали прекрасное здоровье и внутреннюю энергию. Все женщины были обворожительными, но почему-то с ними никогда нельзя была обсудить, какова была женская доля в те «добрые старые деньки». Вспоминая те моменты, Лукас был не в состоянии поверить в то, что хоть кто-нибудь из них провел хотя бы мгновение в полевых условиях. Скорее всего, они сразу по окончании курса официальных общественных учтивостей были направлены в рекрутинговую программу.

Вслед за демонстрацией мод шла часть презентации, которую они называли исторической ориентацией. Это был великолепный мультимедийный продукт с волнующей музыкой и голографическими эффектами на тему того, что история подтвердила, что нации всегда процветали, когда они жили по экономическим стандартам военного времени, что война является неизбежным фактором человеческой природы, и как появление путешествий во времени сделало возможным избежать «неудобств» физического присутствия войны в настоящее время. Прошел настоящий шквал информации о том, как международные споры были урегулированы с помощью оценки действий современных солдат в конфликтах прошлого, настоящий высший пилотаж, который выглядел и звучал очень гламурно, даже когда информация проносилась с такой скоростью, что ее было невозможно усвоить. В конце прозвучала короткая речь о возможности по окончании срока службы подать заявление на вступление в корпус рефери. Всем было прекрасно известно, что рефы получали самую высокую заработную плату во всем мире и наслаждались стандартами жизни, не уступающими стандартам глав государств, перед которыми они, будучи экстранациональным арбитражным образованием, были не обязаны отчитываться.

Фактически же, как позже выяснил Лукас, только те, кто оказался в топовой пятерке процентов по результатам ТПИ, могли попасть в процесс отбора в школу корпуса рефери. Вдобавок было необходимо получить степени по темпоральной физике, трансгисторической корректировке и актуализации, эконополитическому управлению и арбитражу. На основе данных солдатского телеграфа считалось, что в рядах рефов не было никого в возрасте менее ста лет. Персонал моложе присутствовал в корпусе наблюдателей, нижнем эшелоне этих хваленых кадров, но только немногие солдаты оказались способными продвинуться по службе и пережить процесс отбора, не говоря уже о том, чтобы пройти ШКР, которая была, по общему мнению, сущим ужасом. Лукас Прист не питал иллюзий стать кем-то выше обыкновенного солдата.

История Джесс Фейн была более заурядной. Она провалила ТПИ, как и все те, кто не мог себе позволить обучение с помощью имплантов. И ей предложили три завидных варианта на выбор. Работать с сфере уничтожения и переработки радиоактивных отходов, добывать руду в поясе астероидов. И службу в армии. Она с иронией шутила, что это был непростой выбор.

Их встреча произошла недавно, но они уже довольно неплохо знали друг друга. Солдатская дружба завязывается быстро. У них просто не было выбора. Джесс была молодым капралом, она только что вернулась с вахты под началом Александра Невского. В то время не было редкостью, когда русские женщины сражались на поле боя бок о бок со своими мужчинами, и Джесс орудовала палашом на покрытой льдом Неве рядом с лучшими из них. Для нее это была хорошая смена темпа, ведь в древние времена место женщины было либо у домашнего очага, либо на передней линии в качестве пушечного мяса, либо на принимающей стороне изнасило-

вания. Джесс, привыкшая к современному равенству полов, ненавидела армию со всей страстью.

– Не могу передать всю красоту этих ощущений, – говорила она. – Находиться в самой гуще боя и разваливать черепа мужиков! Боже, никогда не думала, что я могу быть настолько кровожадной. Но после всего, через что мне пришлось пройти...

Лукас улыбнулся.

– Надеюсь, тебе удалось от всего этого избавиться.

– Не окончательно, – сказала она, улыбаясь. – Но не волнуйся, ты в полной безопасности. Следующую выпивку покупаю я. Как насчет того, чтобы хорошенько набраться?

– Нет времени, лучше настоящего, – сказал Лукас, и они оба рассмеялись старой армейской шутке.

Для солдата напиться между вахтами было практически необходимостью. Спиртное позволяло адаптироваться, затормозить. Даже если пьянство доводило до кондиции, не позволяющей перемещаться, армия относилась к подобному с полным пониманием. На шее каждого бойца висел армейский жетон с кодом решетки назначения его следующей точки отправки. Шаттлы выполняли регулярные проверки всех баров. Военная полиция просто сваливала бесчувственных бойцов в салон вместе со всем их снаряжением, доставляла на соответствующую решетку, швыряла их на хроноплаты и отправляла к месту назначения.

Каждый боец знал: ничто так не протрезвляет, как хроноплата. Где-то в водовороте неконкретного времени, которое личный состав называл мертвой зоной, плавало огромное количество рвоты. Почти у всех перемещение вызывало сильную тошноту. Со временем многие солдаты привыкали к нему настолько, что умудрялись удержать пищу в желудке, по крайней мере, в течение какого-то времени. Но большинство после перехода все-равно блевало. Таковой была еще одна романтическая особенность армейских путешествия во времени. Случалось, что некоторые терялись в процессе перехода и оказывались в плену у мертвой зоны. Об это не принято было говорить.

Но, по крайней мере, одну хорошую вещь об армии Лукас мог сказать. Спиртное было превосходного качества и стоило дешево. Можно было заказать буквально все. Одно время он пристрастился к водке, но потом переключился на глинтвейн, который распробовал в средние века.

Джесс пила чистый скотч.

Армейский бар никогда не был шумным местом. Обычно стоял гул разговоров, но никогда не была слышна музыка и совсем редко какие-нибудь крики, вне зависимости от степени выпитого. Солдаты никогда не тусили друг с другом слишком долго и, когда после расставания каждый отправлялся своей дорогой, шанс встретиться вновь был ничтожным. Лукас и Джесс сидели за столом в маленькой кабинке и держали друг друга за руки. В этом не было ничего романтического. Для солдат был важен определенный физический контакт. Когда в течение следующих нескольких минут их могли вызвать в древний Рим или на Шестидневную войну в XX веке, казалось важным потянуться и коснуться кого-нибудь, чтобы убедиться в его реальности.

– Ты когда-нибудь хотел во всем этом разобраться? – сказала Джесс. Она уже была немного пьяна. – Я имею в виду, что устала быть просто кнопкой, которую жмут рефы. Черт, никогда не видела рефа. Там в прошлом, в России, в центре чертовой бойни, ты поверишь, я начала думать: если я останусь в живых, на что это повлияет в целом? Как все работает? Почему я этим занимаюсь? Мне казалось, что все мое внимание было поглощено тем, чтобы выживать.

Лукас кивнул, полностью ее понимая. Джесс все еще была новичком, и все это было для нее в новинку.

– Верить или нет, – сказал он ей, – ты привыкнешь. Придет время, когда ты полностью прекратишь об этом думать. Неважно, влияет ли твое участие в деле на заключение какого-то торгового договора или исход международного конфликта тысячетней давности. Мне нравится думать, что влияет, что то, что я делаю, реально важно для чего-то, но я этим не заморачиваюсь. Иногда лучше просто врубить автопилот. Попытаться уцелеть. И кроме этого ничто особо не важно. Они странные, эти мысли, которые могут пронестись в твоей голове во время боя. Это невозможно проконтролировать. Лучшее, что можно сделать, – попробовать полностью прочистить мозги. Просто наполнить их пустотой. И не думать об исходе. В противном случае...

Он не закончил мысль.

– Ага, – сказала Джесс, уставившись в свой напиток. – И не нам задавать вопросы, так получается?

– Не пытайся все разложить по полочкам, Джесс. Иначе ты ослабишь свою защиту.

– Спасибо. Я это запомню. – Она пригубила свой скотч. – Они сообщили, куда направляют тебя в следующий раз?

– Пунические войны.

– Да. Может оказаться весьма жестко.

Лукас пожал плечами.

– Я почти заслужил это. Уничтожение 7-го кавалерийского полка Кастера было вишенкой на торте. Позже сиу устроили шикарное пиршество в честь окончания карьеры Желтых Волос. Вахта оказалась легкой. Похоже, я напросился на сложную.

– Ненавижу ожидание, – проронила Джесс.

Ему было нечего добавить. Рано или поздно это чувство появлялось у всех солдат. Не ожидание отправки на миссию, но ожидание того несчастливого мгновения, которое окажется для тебя последним.

Их окружало много солдат, некоторые были одеты в одноразовые нестроевые камуфляжи, другие уже облачились в униформу гессенских наемников, гуннов, центурионов, зеленых беретов или викингов. Ничто из этого не казалось реальным в 2613 году. Они принадлежали ему, но не были в нем как дома, скорее это был какой-то сон алкоголика. Они провели вместе еще пять минут, прежде чем Лукас услышал, как по громкой связи прозвучал его код. Они обменялись взглядами, может, в последний раз, и он ее оставил. Она сидела и смотрела в свой скотч, в котором кубики льда закручивались и звякали о стекло.

Сципион выслал вперед лучников, перегруппировал силы, и они атаковали опять. Как он и советовал Джесс, Лукас включил автопилот, полностью вырубил мозг и дрался как робот. В нем истощилось все. Энергия, дух, даже страх. Когда он наконец вышел из этого состояния, то с удивлением обнаружил, что все еще жив. Сципион победил.

Когда группа выведения вошла с ним в контакт, он все еще пребывал в оцепенении. Он услышал звук в голове – они сигналили ему с помощью импланта, находясь неподалеку, – и улизнул к ним при первой же возможности. Они выследили его, и вскоре его приняли трое в римских одеждах. Он перенесся в настоящее, потрепанный, ослабевший и истощенный. Он ощущал опустошенность. Он вернулся в 2613, и все здесь было не так. Солдаты сидели на станции отправки в ожидании момента, когда прозвучат их коды. Все они были одеты по-разному – демонстрация истории в разрезе. Повсюду шастали тележки, перевоза всевозможное оружие и снаряжение. Мужчины и женщины налегали на сигареты и кофе. Наркотики были запрещены, зато легкодоступны. Тот самый метрономический голос объявлял коды и решетки назначения. По стечению обстоятельств он прибыл туда же, откуда стартовал, – станцию отправки Квантико.

Гвоздь скачкообразного перехода. Старое ощущение «словно никуда и не уходил». Он был слегка дезориентирован и с тяжелым привкусом дежавю. Оставалось немного времени до

момента, когда он должен был получить жетоны с новым кодом назначения или подать рапорт на отпуск. Немного времени. Такая вот ирония. У него было право на отпуск, но большинство солдат никогда им не пользовались. Какой в этом был смысл? Армия учитывала только время, проведенное на заданиях, и время было ценностью. Чего ему хотелось именно в эту минуту, так это выпить.

Он пересек гигантскую площадь и направился в бар. Он показался знакомым, каким и должен был быть; именно здесь он встретил Джесс Фейн. Ощущая незначительную ностальгию по настоящему прошлому, он подошел к определенному столику в определенной кабинке. Той же кабинке, в которой они находились с Джесс. Она была свободна, но персонал еще не успел в ней прибраться. На столе стояла пустая пивная кружка и стакан скотча.

Лед почти растаял.

Он уточнил время. С момента ее ухода прошло не более двух минут. А он отсутствовал шесть месяцев. Ощущая усталость, он сел и заказал эля и компьютерный терминал. Заказ был выполнен практически мгновенно. Он подключился к линии и произнес запрос. Была пара человек, состояние которых он хотел проверить. И одновременно почти не хотел ничего о них знать. Он отхлебнул эля и сообщил их имена и серийные номера.

Данные пришли быстро. Джонсон, Роберт Бенджамин, серийный номер 777334-29-181-999-285-60..... ТС (текущий статус) активное задание в Наполеоновских войнах-

Все, что ему хотелось узнать. По крайней мере, Бобби все еще был жив. Пока. Кому-то другому так не повезло. Дикон Бэйли пропал без вести, Лиз Кэрмоди – убита на задании, Джош Маккензи убит на задании, а Джесс Фейн даже не добралась до места назначения. Потерялась при переходе где-то в мертвой зоне. Ее ожидание закончилось. У него не хватило духу продолжить. Он уже собирался выключить терминал и вернуть его, когда поперек экрана замигало обновление.

Бобби Джонсон только что вернулся.

1

Мастер-сержант Роберт Бенджамин Джонсон сидел на своем вещмешке, поперек его коленей лежал длинный лук. Только что полученный со склада пластиковый вещмешок негромко похрустывал, когда он менял положение тела. Подле него находился Финн Дилейни, ефрейтор, облаченный в костюм саксонского крестьянина и уснувший на пластиковой скамье. Джонсон услышал, как кто-то позвал его по имени, и поднял взгляд. Одетый в транзитную полевую форму старшина пробирался сквозь толпу к группе вендинговых автоматов, возле которых они расположились. Еще мгновение, и он его узнал. Лукас Прист постарел.

– Лукас! Ни хрена себе, ты еще жив!

– С натяжкой, – сказал Прист. Они охватили друг друга руками в неловком медвежьем объятии. – Боже, как же я рад тебя видеть, – произнес Лукас. – Я не был уверен, что вернусь с этой последней вахты. Ничто не подготовит тебя лучше к встрече с Ганнибалом и его проклятыми слонами, чем четырехнедельный форсированный марш. Если бы не предписания исторической презервации, я бы прикончил этого ублюдка Сципиона.

– Все было настолько плохо?

– Даже не спрашивай.

– Да мне и не надо. Ты выглядишь вымотанным. – Он посмотрел на знаки различия Приста. – Вижу, ты теперь старшина.

– Да и ты перескочил пару званий. Сколько же времени прошло?

– Порядочно, – сказал Бобби, улыбаясь. – Не видел тебя с этого утра.

Они сели рядом и сверили записи. Последний раз они виделись в 0900 17 сентября 2613 года. По плюсовому времени. С того момента Лукас успел походить под парусами с Нельсоном, послужить под началом Першинга, заработать сабельный шрам в Крыму и помочь прикончить Кастера у Литтл-Бигхорн. Сейчас от только что вернулся с Пунических войн, и на часах было 1435, 17 сентября 2613. Лукас постарел на десять лет. Он был ровесником Джона пять часов плюсового времени назад, но сейчас выглядел старше. Сказалось более длительное пребывание в минусах. Лукасу оставалось служить около трех дней плюсового времени, а Бобби – все четыре.

– Как же здорово снова тебя видеть, Лукас, – сказал Бобби. – Было бы чертовски здорово с тобой выпить, но мой код находится в режиме ожидания.

– Я знаю, – сказал Лукас, – доставая свои жетоны и вертя их двумя пальцами. Бобби перехватил их.

– Зеленый 44! У нас одинаковые коды отправки!

Лукас улыбнулся.

– Прикинь.

– Ты знал!

– Конечно же я знал, – сказал Лукас. – Я проверил твои данные, как только вернулся. Говорил я тебе, что буду это делать, ты что – не поверил мне?

– Эх... Ты ведь знаешь, все так говорят. Но при виде всех ПВБ и ПБВ начинаешь впадать в депрессию.

– Я знаю, – тихо произнес Лукас. – Список моих друзей продолжает сокращаться.

Повисла неловкая пауза. Наконец Бобби нарушил тишину, пытаясь сменить тему разговора.

– Какого черта тебе достался Зеленый 44? У тебя была возможность выбора? С виду с тобой все в порядке, но...

– Я никогда не использовал эту возможность после ранения в Крыму, – сказал Лукас. – Решил придержать до подходящего момента.

– Но почему ты предпочел выбор кода бонусному плюсовому времени?

– Если бы у тебя была возможность выбирать между паршивым часом бонусного времени и временем дружбы, что бы ты выбрал? – спросил Лукас.

– Ну, если посмотреть на все с этой стороны, думаю, я предпочел бы провести вахту с другом. Но я бы все еще оплакивал бы тот бонус.

– Значит, ты собираешься заработать еще одну рану.

– Благодарю, но если можно, то я пас. Пока что мне везло, постучи по дереву. – Он огляделся. – Видишь здесь какое-нибудь дерево?

Лукас улыбнулся.

– Постучи по пластику и скрести пальцы.

Он оглянулся и увидел своего оруженосца, толкающего тележку с его упакованным снаряжением. Он оставил координаты своего предполагаемого местонахождения, чтобы ему не пришлось ждать появления того, кому выпала эта честь. Это была одна из немногих привилегий сержантского состава. Ты мог привлечь рядового для перетаскивания своих пожитков. В данном случае, рядовой был еще и частью снаряжения, потому что ему предстояло сопровождать Приста в качестве ординарца.

Оруженосцем Приста оказался тощий и жилистый молодой капрал, которого звали Хукер. Для него оказалось сюрпризом отсутствие требования обращаться к Лукасу, добавляя «сэр» или «мистер». Там, куда они направлялись, термин вероятно превратится в «милорд», но Лукас старался по возможности избегать следования воинским протоколам. Он подвинул Хукеру чашку кофе. Капрал взломал печать на ней, и из чашки сразу пошел пар. Они разбудили Финна Дилейни. Пришлось повозиться. Дилейни оказался ворчливым кадровым военным с телом гориллы. Он мгновенно снискал симпатии Приста, протянув ему початую пачку «Крепкого орешка». Лукас взял сигарету и зажег ее, потеряв о бок пачки.

– Коду Зеленому сорок четыре, Зеленому сорок четыре доложить Желтому семь, решетка шесть сотен, Желтому семь, решетка шесть сотен.

– Так, это нам, – сказал Лукас и сделал несколько быстрых затяжек, после чего раздавил сигарету ботинком. Скорее всего следующую он получит не скоро, если вообще вернется живым.

Хроноплата вызвала у Лукаса легкое головокружение, впрочем, как всегда. Он так и не смог с этим свыкнуться, но его реакция была намного слабее, чем у Хукера.

– Тебе что – никто не советовал ничего не есть за два часа до отправки? – спросил он.

Хукер на мгновение задумался, потом до него дошел смысл шутки. Редко кому удавалось зависнуть на станции отправки более чем на час. Пока солдат находился в плюсовом времени, его часы тикали. Если боец был в минусовом времени и получал заблаговременное предупреждение об отправке, у него могло быть два часа, во время которых он мог воздержаться от еды. Но группы эвакуации редко кому давали подобную фору. Им нравилось все делать впритык.

– Мне кажется, последний раз я ел пару тысяч лет назад, – ответил Хукер и слабо улыбнулся. – Мог бы избавить себя от хлопот. У меня даже не было шанса все переварить.

– Добро пожаловать в Англию XII века, джентльмены, – сказал рефери.

Лукас был удивлен. Очень удивлен. Было обычным делом повстречать на задании наблюдателя. Что же это была за вахта, которая потребовала присутствия рефа в минусах?

– Вопросы пока подождут, джентльмены, – произнес реф вкрадчиво, типа профессионально. – Начнем с начала. Мистер Хукер, вам будет приятно узнать, что стол уже накрыт, и на этот раз у вас будет время, чтобы переварить съеденные блюда. Понимаете, о чем я?

Хукер и Дилейни начали собирать снаряжение, но реф сказал, чтобы они его не трогали.

– О нем позаботятся, – сообщил он.

Они переглянулись, пожали плечами и последовали за Пристом и Джонсоном.

– Похоже, мы последние, – сказал Бобби. – Все остальные должны быть уже за столом. С нашим счастьем мы можем рассчитывать на объедки.

Как оказалось, не в этом случае. Они дотащились до сборной хижины неподалеку, где им подали дичь, пирог с почками, жареного фазана, голубя с картофелем, приготовленным на открытом огне, так что кожица потрескалась и почернела. Они выпили отличного крепкого эля. Это был один из лучших обедов Лукаса с начала службы. Это его насторожило.

Рефери сидел с ними, но ничего не ел. Кроме обслуживающих их ординарцев больше никого не было.

– Простите, сэр, – сказал Джонсон. – А где все остальные?

– Больше никого нет, мистер Джонсон, – сказал рефери.

– Вы имеете в виду, что эту вахту мы проведем только вчетвером?

– В основном.

– Не понимаю, сэр.

– Всему свое время, – сказал реф. – А пока не жалеете еду. Ее полно там, откуда поступила эта, и к элю это тоже относится. До утра все свободны, так что расслабьтесь и получите удовольствие.

Он полез в карман куртки и достал серебряный портсигар.

– Желает ли кто-нибудь из джентльменов покурить?

И тут Лукас понял, что они попали.

– С вашего позволения, сэр, – произнес он, принимая сигареты. – Со всем уважением, но я прослужил достаточно, чтобы понять, что подобное обращение выходит за рамки обычной процедуры. Я впервые вижу рефери на минусовой стороне. Почему-то мне кажется, что эта вахта едва-ли окажется простой.

Реф улыбнулся.

– Грамотно подмечено, мистер Прист. Вы вполне корректны в своем предположении, что это будет необычная вахта. Она связана с риском, но вам, джентльмены, к нему не привыкать. Но будет и компенсация. Если вы преуспеете в достижении цели, то завершение задания будет также означать окончание вашего срока службы. Это касается каждого из вас. Остаток вашего времени будет зачтен, и вам будет предоставлено право выйти в отставку с полной пенсией и льготами, полагающимися старшим лейтенантам, или же остаться на новый срок в чине капитана. Это касается и вас, мистер Дилейни, даже с вашей скорее замечательной историей взысканий.

Лукас услышал первые слова, произнесенные Дилейни.

– Вот дерьмо, – сказал тот. – Мы покойники.

В пересчете на двоих за плечами Лукаса и Бобби была достаточно обстоятельная служба. Хукер все еще был зеленоват, зато Дилейни пошел на второй срок и успел побывать во многих переделках. Несмотря на это, последовавший период подготовки оказался самым трудным из всех, которые им пришлось пройти. Их инструктором оказался жилистый пожилой ублюдок неопределенного возраста. Предупреждающие старение препараты не позволяли точно предположить возраст человека, но этот выглядел как сам Мафусаил. Звался он майором Форрестером. Он был лысым, как яйцо, морщинистым, как чернослив, и злобным, как медведь с геморроем.

– Парни, возможно вы думаете, что поднаторели в такого рода вещах, – сказал он им. – Так вот, приготовьтесь к огромному гребаному сюрпризу. Я буду вас тренировать, пока вы не упадете, затем я ударами приведу ваши задницы в вертикальное положение, и вы поработаете еще. И для начала я хочу сто отжиманий, двести приседаний и тридцать подтягиваний.

– Ну, это не смертельно, – прошептал Бобби Лукасу.

– И если вы не уложите в шесть минут, то повторите все по новой! Время пошло!

Им всем было не привыкать к жестким требованиям к физической форме, но Форрестер порвал их в клочья. Каждую ночь они отправлялись в постель настолько измотанными, что едва могли двигаться. Характер их подготовки не оставил сомнений – их готовят к выполнению диверсии. Они осваивали тонкости средневекового боя, привыкали передвигаться в полных боевых доспехах и управлять лошадьми нажатием коленей. Они тренировались в использовании оружия – меча с широким лезвием, топора, булавы, арбалета и длинного лука, как же без него. Они тренировались с кинжалами, и Хукер сумел удивить даже майора Форрестера. Он мог метнуть почти что любой клинок с безупречной точностью. Хотел бы Лукас знать, где он вырос, и какое у него было детство. Хукеру едва исполнилось девятнадцать.

Благодаря их разнообразному опыту в прошлом, некоторым из них кое-какие вещи давались проще, чем остальным. Лукас прихватил с собой на задание солидный навык боя с использованием всевозможных клинков, от рапиры и сабли до короткого римского меча. Бобби был искусным лучником, оставив всех далеко позади в этом умении. Будучи мастером восточных боевых искусств, Дилейни чувствовал себя с посохом, как рыба в воде. Плюс он применил инновационную технику к бою на широких мечах.

В их подготовку было вложено огромное количество времени и средств. С ними делали все возможное: от программирования имплантов до тренировки условных рефлексов. Но только когда дело дошло до пластической хирургии, Лукас окончательно осознал истинную природу их задания.

Это будет работа по корректировке. Кто-то как-то умудрился напортачить в этом временном периоде, и потребовалась незначительная трансгисторическая корректировка и актуализация. Лукас часто задумывался о том, как реализуются подобные процедуры. Теперь он все узнает на собственном опыте.

К этому моменту стало ясно, что они были выбраны благодаря их навыкам и общефизическим параметрам. За единственным исключением – Финном Дилейни – все они обладали компактным телосложением. Физические размеры бойца играли важную роль при его назначениях. В прошлом люди были меньше, и было бы неуместно отправлять толпу шестифутовых парней в период, где они окажутся белыми воронами. Большинство служивых все равно оказывались несколько крупнее большинства обитателей прошлого, но в разумных пределах это не представляло проблему. Ведь, для начала, большинство служивых было пушечным мясом. История не подлежит изменению, с этим связаны слишком большие риски. То, что могли делать современные солдаты на минусовой стороне, было строго ограничено параметрами того, что было известно о соответствующей эпохе. Косметическая хирургия не была для армии чем-то необычным. Лукас был сиу при Литтл-Бигхорн. Чтобы он мог нормально сыграть свою роль, они превратили его из блондина в брюнета, слегка увеличили нос и сделали его лицо более плоским, заодно затемнив его обычно светлую кожу с помощью пигментов.

Отправляясь на бой с Желтыми Волосами, Лукас знал, что история не сохранила, какой именно индеец его убил, так что если ему предоставилась бы возможность произвести выстрел по Кастеру, его дальнейшие действия зависели только от него. В то же время, в сражениях, которые были достаточно хорошо документированы, возможности солдата были существенно ограничены. В таких случаях, их всегда помещали в относительно незначительные позиции с точки зрения истории. Они были, как ни крути, расходным материалом. История никогда особо не заморачивалась подсчетом тел. Следовательно, солдаты из плюсового времени дрались бок о бок со своими древними противниками, и в случае их гибели их кибернетические импланты сигнализировали об этом наблюдателям в данном временном периоде. ПБВ, раненные бойцы, все они превращались в данные, на основе которых выполнялись сложные расчеты, результаты которых определяли арбитражные разбирательства со стороны рефери. Как ветеран множества косметических операций, Лукас знал, что на этот раз изменения были тщательно выверенными, отличающимися от привычных поверхностных переделок. Их делали похожими

на конкретные личности, на людей, которые были известны истории или определенным ключевым персонам, с которыми им придется столкнуться по ходу задания. Это не будет примитивный вариант с внедрением нескольких солдат – малозначимых пешек с точки зрения истории – в римский легион.

Им предстоит тайная операция. Хотелось бы ему знать, какого рода миссия их ждет. После столь напряженной подготовки, что им подсунет сами миссия? Их не учили играть роли конкретных личностей, по крайней мере, делать это сознательно. С другой стороны, было выполнено программирование имплантов. В основном эта информация уже была в их полном распоряжении, но был определенный смысл в том, что большая ее часть была залита под протоколом «нужно знать» и будет активирована в нужное время, скорее всего, во время брифинга задания посредством ключевого слова или фразы.

Это вызвало у Лукаса весьма дурные предчувствия. Кем они должны стать? Когда он узнал, то почти пожелал, чтобы Ганнибал убил его еще в Карфагене.

Шел последний день их подготовки. Их привели в небольшой сборный домик, который до этого момента был им недоступен. Там они оказались в комнате, которая была пустой, если не считать нескольких стульев, стола, пары армейских коек и четырех криотанков, со всеми полагающимися экранами данных и сервомеханизмами. Два медика-техника не уделили вошедшим ни малейшего внимания, и рефери, в свою очередь, никак не подтвердил их присутствия. В криотанках находились четверо мужчин, которые выглядели в точности, как они. Вернее, если быть точным, то они выглядели в точности, как люди в криотанках.

Они расселись по стульям, а реф взгромоздился на край стола, наклонился к ним и уперся руками в колени. Он словно олицетворял собой доброго старого профессора. Пожилой человек со снежно-белыми волосами, голубыми, впавшими щеками и морщинками в уголках глаз. Пожилой человек, который обладал полным контролем над их жизнями.

– Джентльмены, – сказал он, – в году 1189 Ричард Первый, также известный как Ричард Плантагенет, *Coeur de Lion*, унаследовал трон Англии. Пока он отсутствовал, сражаясь в Третьем крестовом походе, его брат, известный как Иоанн Безземельный, поднял восстание против юстициара Уильяма де Лоншана и успешно занял место короля. После чего провел серию интриг, целью которых было воспрепятствовать своему брату завладеть троном. Ричард был схвачен герцогом Австрии и содержался в плену. Спустя какое-то время его выкупили, и он возвратился в Англию, простил своего брата Иоанна и занял трон. После смерти Ричарда в Шалю в 1199-м Иоанн, наконец, реализовал свои амбиции и стал королем Англии.

В качестве короля, Иоанн был, как бы сказать помягче, чем-то вроде катастрофы. Он воевал со своим племянником Артуром и, в конце концов, убил его. Он грызся с папой Иннокентием III, добился отлучения Англии от церкви в 1208 и постоянно давал маху. При нем страна обнищала до такой степени, что против него восстали его собственные бароны, заставившие его подписать Magna Carta в долине Раннимед 15 июня 1215 года. Такова история вкратце. За исключением того, как вы, несомненно, уже догадались, что у нас имеется проблема.

В году 1194-м герцог Леопольд передал Ричарда императору Генриху VI, который его освободил, получив выкуп. Ричард должен был отправиться в Англию. Должен был. В этом месте история перестает быть гладкой.

К моему огромному сожалению и глубочайшему профессиональному стыду у члена корпуса рефери поехала крыша. Если откровенно, то он совершенно слетел с катушек и решил пожить в своего рода фантазии в стиле Уолтера Митти. Его зовут Ирвин Голдблум, и он умудрился похитить Ричарда Английского во второй раз. Вполне возможно, что он даже его убил. По правде говоря, вероятность этого весьма высока, но точно я не знаю. Стоит ли говорить, что тем самым он поставил под удар историю. Он намерен выдать себя за Ричарда Плантаге-

нета и стать королем Англии. Ничего подобного никогда раньше не происходило. Сложилась угрожающая ситуация. Очень сложная ситуация, мягко выражаясь.

Что у нас имеется на текущий момент, так это угроза непрерывности временного потока. Возможно массивное раздвоение с полностью непредсказуемым результатом. К счастью, нам стало известно о безумном плане Ирвина до того, как он отправился в минусовое время. Он активно изучал этот период с помощью компьютерных лент и подверг себя косметической хирургии. Предпринятая им подготовка нас насторожила. К сожалению, он успел улизнуть прежде, чем мы успели его остановить. Нами были предприняты немедленные меры по организации корректировки. Мы надеялись, что сумеем все предотвратить до проявления аномалий. Мы, я имею в виду себя и мою команду поддержки, находящуюся здесь, со мною на этом пустынном обломке скалы, уже сделали несколько попыток выправить ситуацию.

Реф замолчал и сделал глубокий вдох.

– Все предпринятые нами к данному моменту усилия провалились. Мы смогли рассчитать время его предположительного появления в том периоде и попытались перехватить его. Впустую. Мы также попытались помешать ему пленить Ричарда, и опять без толку. Шансы работают в его пользу. У него также есть хроноплат. Что делает нашу работу исключительно сложной. Он использует свою хроноплату, чтобы обойти нас на каждом повороте.

Мы может путешествовать во времени, что очевидно, но именно благодаря этому все полностью выходит из-под контроля. Я не собираюсь устраивать с ним гонку с прыжками во времени. Это чистое безумие, не говоря уже об опасности, которую она представляет. В таких условиях у нас просто нет шансов на победу. Он понимает это, и я понимаю это. Следовательно, мы должны принять бой, если можно так выразиться, в рамках этого временного периода. Ирвин сильно постарался, воплощая свой сценарий, и он не сделает следующий ход, если только я его не заставлю. На этом этапе игры мы ведем ограниченную войну. Это наш единственный шанс сохранить течение времени и предотвратить возможное раздвоение.

– Сэр?

– Да, мистер Джонсон?

– Я правильно понимаю, что мы здесь под протоколом «нужно знать»?..

– Вы вправе задавать вопросы, Мистер Джонсон. Очень важно, чтобы вы осознали ситуацию, в которой вам придется действовать. Что вас смущает?

– Ну, мы все слышали о корректировках, – сказал Бобби. – Ничего похожего на это, но... Я пытаюсь сказать, что никто из нас реально не представляет процесс. Вы сказали, что до этого времени этот реф умудрялся вас обгонять. Что мешает использовать вашу плату, чтобы прыгнуть назад и попытаться перехватить его опять?

– Механика презервации течения времени, Мистер Джонсон. Мои сложности состоят в том, что именно я пытаюсь сохранить течение времени. В то время как Ирвин пытается его изменить. Он намерен создать раздвоение. Я попытаюсь объяснить все как можно проще. Сам факт того, что мы здесь находимся, является результатом того, что нам дико повезло. Мы в состоянии попытаться провести эту корректировку, потому что Ирвин еще не смог выполнить действие, которое привело бы к раздвоению временного потока. В настоящий момент время, из которого мы прибыли, находится в состоянии потенциального изменения. Вы – третья команда, которой предстоит выполнить эту корректировку. Остальные потерпели неудачу.

Он сделал паузу, чтобы до всех дошло. Это означало, что все они погибли.

– Так что помните, что у меня есть не ничтожная задача сохранить течение времени. Предположим, после того как я узнал о неудаче последней команды, я использовал бы мою хроноплату, чтобы вернуться в прошлое и попытаться опять. Что, в свою очередь, создало бы раздвоение, параллельное течение времени. Чего следует избегать любой ценой.

– Сэр?

– Мистер Прист?

– Но разве этот тип Ирвин уже не изменил прошлое, просто вмешавшись в ход истории?

– Пока что нет. К настоящему времени парадокс не произошел. На данный момент сложилась следующая ситуация: Ирвин переправился в тот период. Парадокс пока не случился. Он не вмешался в историю. Он смог перехватить Ричарда во время его возвращения в Англию. Создав потенциальный парадокс, но течение времени все еще не нарушено. Моя задача сохранить это положение.

– Удачи, – сказал Дилейни.

– Да уж, – произнес сухо рефери. – Вижу, вы понимаете ситуацию, мистер Дилейни. Тем не менее, давайте убедимся, что вы все ее понимаете. Факт состоит в том, что наш подставной Ричард может убить настоящего и даже занять трон Англии в качестве Ричарда Плантагенета. При всем этом течение времени все еще остается ненарушенным. Есть Ричард на английском троне. Он не настоящий, но само по себе это не создает парадокс. Парадокс может возникнуть в том случае, если Ирвин предпримет какое-то действие, которое в значительной степени изменит ход истории. Представьте гипотетическую ситуацию. Пусть мы в этом не участвуем. Пусть Ирвин правит вместо Ричарда и делает все то же, что делал реальный король в соответствии с ходом истории... вплоть до одного момента. Давайте добавим в нашу дискуссию Шалю. Реальный Ричард Львиное Сердце умер в Шалю. Зная это, подставной Ричард очевидно постарается уйти от такой судьбы с помощью простейшего средства – он будет держаться подальше от Франции. При этом вполне вероятно, что присущая течению времени инерция может работать против него, но все это в высшей степени теоретически, и я бы на это не закладывался. Вот теперь мы получили парадокс. Реальный Ричард был убит в Шалю в 1199, но Ирвин как Ричард продолжает жить. Предположим, что он остается королем продолжительное время. Предположим, что Иоанн никогда не взойдет на трон. Предположим, что Magna Carta никогда не была написана, и уже тем более – подписана. И теперь мы имеем дело с мощными парадоксами, джентльмены.

Прошлое абсолютно. Прошлое *Ирвина* абсолютно. В его течении времени, как и в нашем, Ричард умирает в Шалю, королем становится Иоанн и т. д. Это нельзя изменить, это уже произошло. В тот момент, когда Ирвин совершит поступок, который существенным образом противоречит нашей истории, он создаст парадокс, разделит течение времени и создаст параллельный поток времени. И это означает, что мы проиграли. Если я отправлюсь назад в точку до того момента, когда он это совершил, все закончится тем, что мы получим еще одно раздвоение, еще один параллельный поток времени, что только усугубит ситуацию. У меня есть только один доступный вариант действий, и он заключается в том, чтобы продолжить совершенно последовательным образом выполнять это задание. Первая команда потерпела неудачу. Как только я об этом узнал, сразу привлек вторую команду. Когда провалилась и эта, я привлек еще одну команду, и тут, парни, прибыли вы. Если вы не справитесь, я задействую еще одну команду, при условии, что *Ирвин все еще не создал разделение времени*.

Видите ли, джентльмены, в какой-то степени все это напоминает русскую рулетку. Все упирается в вероятность появления ситуации, когда я не посылаю очередную команду, и Ирвин побеждает. Я никакого понятия не имею, какой именно поступок он может совершить, который приведет к существенным изменениям, достаточным для образования парадокса. Я также не знаю, когда он совершит этот поступок, и когда у него появится такая возможность. Возможно, он совершает его прямо сейчас, и в этом случае все наши потуги становятся бессмысленной суетой. В этом событии у меня нет никакого плана наших действий. Я даже не хочу об этом думать.

Он опять замолчал, рассматривая бойцов. Все они мрачно молчали, за исключением Дилейни, который застонал и обхватил голову руками.

– Естественно, есть и другая возможность, – сказал рефери. – После того, как Ирвин разделит течение времени, теоретически возможно отправиться в прошлое в точку, расположен-

ную *до того*, как это разделение случилось, и попытаться помешать ему произойти. Однако, при этом возникают некоторые очень неприятные обстоятельства. Разделенные течения времени в конце концов должны слиться. В то мгновение, когда Ирвину удастся выполнить разделение, его влияние должно отразиться на будущем. Наступление будущего предотвратить невозможно, но можно извратить историю и навредить огромному множеству людей. Огромному множеству. С момента появления раздвоения, с точки зрения будущего, целое отдельное течение времени уже существует, и одному только богу известно, сколько в него угодит человеческих жизней. Отправиться назад и предотвратить его означает уничтожить каждого в этом отдельном течении времени. И это будет ничем иным, как самым массовым геноцидом в истории человеческой расы, – произнес рефери, – и никто не сможет сказать, как это повлияет на будущее. Позвольте мне проиллюстрировать это еще одной гипотетической ситуацией. Предположим, что я послал еще одну команду, не зная, что к этому моменту Ирвин уже создал раздвоение. А я послал людей. Вполне может оказаться так, что отправившиеся в прошлое могут быть из того будущего, которое уже подверглось влиянию разделения, так или иначе. Если я дальше попытаюсь избавиться от параллельной линии истории, прежде всего постаравшись предотвратить само разделение, то: а) возможно, я создам разделение сам и; б) людей, перенесшихся из будущего, на которое повлияло это разделение, возможно даже никогда не существовало бы, если бы не было самого раздвоения. В таком случае я угрожал бы их истории, не говоря о самом их существовании. При подобных обстоятельствах я думаю, что они сделали бы все возможное, чтобы меня убить. Не исключено, что именно такой приказ они получают, вне зависимости от созданных раздвоением проблем. Они постараются сохранить их *status quo*, независимо от его хаотичности.

– Иисусе, – прошептал Хукер.

– Страшно, да? – спросил рефери.

– Есть предположения, как мы можем это остановить? – произнес Хукер.

– Я думал, это очевидно, – сказал рефери.

– Мы – боевая группа, сынок, – сказал Дилейни Хукеру, – наша задача попытаться убить этого типа Ирвина.

– Несколько архаичная фраза – «уничтожить с чрезвычайными мерами предосторожности», – произнес рефери. – Если у вас это получится, то я стану Ричардом Первым и буду действовать согласно нашей истории. Он поморщился. – Я бы предпочел не умереть во Франции пять лет спустя, но у меня нет выбора. Так что, джентльмены, как видите, может, я и отправляю вас на невероятно сложное задание, но мне кажется, что вы не захотите махнуть со мною местами.

– Сэр?

– Мистер Хукер?

– Но почему нас только четверо, сэр? Если бы нас было больше, не повысило ли бы это наши шансы?

Реф улыбнулся.

– Хороший вопрос. Да, возможно. Если откровенно, я бы предпочел иметь в своем распоряжении армию. Тем не менее, я ограничен в возможностях, да и вы тоже, организационной паранойей. Было принято решение, что оптимальное число людей для этого задания, с учетом минимизации рисков контаминации времени, – четыре. Плюс команда поддержки – все те, кого вы здесь видели. Почему не пять, шесть, семь или три, раз уж на то пошло? Ну, я спорил по этому поводу, но... Ситуация требует небольшой, высокоэффективной группы, которую можно внедрить на ключевые позиции в том временном периоде. Есть такая вещь, и она была использована в качестве аргумента, как слишком много шпионов. Было ощущение, что большая команда создаст избыточный риск для операции.

– Трусливые ублюдки, – пробормотал Дилейни.

Реф улыбнулся.

– Хулиганите дисциплину, мистер Дилейни. Тем не менее, ничего не могу с собой поделать – вынужден согласиться. В любом случае, так обстоят наши дела.

Он указал на криотанки.

– Здесь у нас четверка, которые играет важные роли в этом сценарии. Это те люди, за которых вы себя выдадите в этой операции, так что сыграйте ваши роли хорошо, джентльмены. От этого зависят ваши жизни.

Он встал и махнул техникам, впервые отметив их присутствие. Один за другим они привели танки в вертикальное положение.

– Мистер Дилейни, теперь вы двойник этого мужчины, – сказал реф, показывая на первый танк. – Его зовут Джон Литтл, но все его знают как Маленького Джона. Мистер Джонсон, если в вас присутствует нотка романтики, вам будет интересно узнать, что вы сыграете роль барона Локсли, которого история знает под именем Робин Гуда.

– Ни хрена ж себе, – сказал Бобби.

Реф не сдержался и хихикнул.

– Постарайтесь смотреть на вещи реально, мистер Джонсон. Если не брать во внимание фольклор, этот парень всего лишь человек, такой же как вы. Мистер Хукер, вы обнаружите, что у вашего двойника имеется свежий шрам на лице. Боюсь, перед отправкой мы будем вынуждены наградить вас таким же. У него оказалась повышенная сопротивляемость химии, и нам пришлось угомонить его силой. Вы займете его место в качестве оруженосца при старшине Лукасе Присте. Вас знают только под одним именем, насколько нам удалось выяснить, это Поньяр. Ваше весьма неплохое умение обращаться с ножами без сомнения вам пригодится. А теперь, мистер Прист...

Последний криотанк.

– Я в курсе, что вы были назначены на эту операцию в результате использования вами права выбора кода. Возможно, вы уже об этом пожалели. Так уж случилось, и есть в этом определенная ирония, что вы идеально подходили для этого задания. Даже лучше того, кто был намечен первоначально. Как только вы влезли со своим кодом, какой-то боец легко отделался. Он никогда не узнает, чего лишился. Вы верите в судьбу, мистер Прист?

– Да, сэр, полагаю, что верю.

– В таком случае – встречайте вашу, – он положил руку на край криотанка. – Сэр Уилфред из Айвенго.

2

Подозрения Приста о том, что программирование имплантов была частично заблокировано, подтвердилось после их высадки на материк со всем снаряжением. Он также понял, что реф был не лишен ироничного чувства юмора, когда тот повернулся к ним и произнес слова: «Сэр Вальтер Скотт», и они мгновенно вспомнили вещи, которых никогда не знали.

Они стояли на берегу и смотрели, как основательно модифицированный десантный катер устремился назад к небольшому, продуваемому всеми ветрами островку у побережья. Его двигатели были заглушены до такой степени, что их было едва слышно, и Лукас подумал о том, какое впечатление могла бы произвести их высадка на проходившего мимо саксонца. Но там не было разгуливающих саксонцев, впрочем, как и норманнов. Берег был пуст и спокоен. Ничто не нарушало умиротворенности ночи, если не принимать во внимание шума ветра, рокота прибоя и криков нескольких чаек. Они были одни. Высадившиеся на берегу времени.

Не произнеся ни слова, они начали медленно двигаться вглубь суши, каждый переживал незнакомые воспоминания. Четверо мужчин в криогенах были накачаны химией и тщательно допрошены, чтобы в распоряжении команды оказалась информация, которая поможет перевоплощению. В то же время не было никакой гарантии, что имплантированные в мозг сведения позволят им отыграть спектакль успешно. Была тысяча вещей, которые могли пойти не так, — такова была природа спецопераций. Риск был частью игры.

Люди, место которых они заняли, были захвачены незадолго до их прибытия в минусовое время. Их допрашивали круглые сутки все то время, пока команда готовилась к заданию. Информация, добытая у Айвенго, познакомила Лукаса с его происхождением и текущим положением дел.

Бразды правления Англией по-прежнему находились в руках Иоанна Безземельного. Ричард все еще не вернулся из плена. Главным козырем Лукаса было то, что Уилфред из Айвенго и Ричард были товарищами по оружию во время Священных войн, а Ирвин понятия не имел, что он был фальшивым Айвенго. Возможно, настоящий Плантагенет смог бы распознать изменение в старом друге, но Ирвин будет слишком занят отыгрыванием собственной роли, чтобы что-то заметить, если только Лукас не совершит какую-нибудь фатальную ошибку. Лукас предполагал, что Ирвин, несмотря на преимущества, которыми он обладал, будет также обеспокоен, чтобы его «друг и вассал» из Айвенго не почувствовал изменений в своем короле. Это была игра с двойным блефом, когда обе стороны пытаются сохранить покерфейс, чтобы ничем не намекнуть на карты, которые держат в руках.

Финн и Бобби, с другой стороны, могут оказаться в значительно более опасном положении, ведь те, кого им предстоит ввести в заблуждение, будут не актерами, а вполне себе реальными людьми. Робин Гуд и Маленький Джон снискали широкую известность как «вольные стрелки», это означало, что им придется быть легкими на подъеме. Что касается Хукера, то все его сомнения были спрятаны за стоической внешностью.

Реальный Айвенго провел много времени вдали от Англии, сражаясь в крестовых походах. С ним должны были произойти определенные перемены, но было неизбежным, что, рано или поздно, Лукасу предстояло встретиться с его «отцом». Если кто и мог пробить его маскировку, то этим человеком станет Седрик. Так как они были в средневековье, вероятность того, что будет разоблачена их истинная природа, была нулевой. Кто бы в этом периоде времени даже мог помыслить о косметической хирургии? Кто смог бы заподозрить, что солдаты из будущего времени станут выдавать себя за рыцаря, оруженосца и пару саксонских преступников? И все же, это были времена больших подозрений. И если никому в голову бы не пришло, что Робин Гуд — самозванец, то легко могло возобладать мнение, что его кто-то заколдовал, а персоны, именующие себя Айвенго и Поньяр, на самом деле были своего рода волшебниками или кол-

дунами, замыслившими сотворить зло. За время своей воинской карьеры Лукас неоднократно пытался представить собственную смерть в самой разной манере, от удара меча или пули до стрелы или топора палача. Но он никогда не рассматривал возможность быть сожженным у столба. Он представил сейчас.

Они разбили лагерь в лесу, предпочитая дрожь от ночного воздуха риску разведения огня. Лукас посчитал, что с ними и так может много чего случиться после того, как они приблизятся к Эшби. Было неразумно провоцировать судьбу до того, как им предоставится возможность провести разведку. Они прихватили с собой провизию, так что не испытывали голода, но все поели в молчании, после чего отправились на боковую среди деревьев, с перерывами на караул. Это было как затишье перед битвой. Ночь прошла без происшествий, позволив Лукасу осмыслить его «воспоминания».

Судьба не была благосклонна к Ричарду во время последнего крестового похода. Было заключено еще одно перемирие с Саладином, но его заключили главным образом для того, чтобы сохранить лицо. Саладин был умелым и коварным воином, и его положение только укрепилось из-за разногласий в рядах Ричарда. Значительная часть норманнских рыцарей Ричарда присягнула на верность Филиппу Французскому. Большинство этих рыцарей принадлежало к орденам рыцарей святого Иоанна и тамплиеров. Эти же самые рыцари, тамплиеры и госпитальеры, приняли сторону Иоанна Анжуйского против его брата. В то время как Ричард отсутствовал, изображая странствующего рыцаря, Иоанн укрепил свою власть, подначиваемый той частью норманнской знати, которая больше всего выиграла от его пребывания на троне. Земли и поместья большинства баронов, сохранивших верность Ричарду и отправившихся с ним на его войну, были отобраны Иоанном без их ведома, и он грамотно распределил эти владения среди своих ставленников, чтобы укрепить их поддержку. Среди этих несчастных, ныне безземельных рыцарей, фаворит Ричарда Айвенго потерял свой феод одним из первых. Он возвратился в родную Англию, устав от войны и без гроша в кармане, даже без фамильного доспеха. По меньшей мере, о последнем позаботилась армия США. Лукас получил доспех из найстила, который, будучи тяжелым, чтобы не вызывать подозрений, был все же намного легче обычной брони того времени. Он был значительно более подвижным и неуязвимым для мечей и пик.

Были у Айвенго и другие проблемы. Похоже, Седрику, его отцу, не терпелось начать саксонскую революцию и изгнать норманнских завоевателей. С этой целью он надеялся заключить брак между своей воспитанницей, Ровеной, в которой текла кровь Альфреда, и его другом Ательстаном, похожим на поросенка саксонским рыцарем также благородного происхождения. Серик уповал на то, что этот союз предотвратит образование фракций среди саксонцев и объединит их в поддержку одного рода. Единственная неувязка в его плане касалась Ровены, которая Ательстану предпочла сына Седрика. Да и Уилфреду она очень нравилась. После получения приказа отойти в сторонку и не вмешиваться сын восстал против отца. Седрик уже был очень им недоволен. Старик с неодобрением относился к тому, что Уилфред пропадает при дворе, изучает норманнскую манеру боя и перенимает разные норманнские обычаи. То, что Уилфред начал ухаживать за женщиной, которую Седрик собирался отдать в жены Ательстану, да еще в его собственном доме, стало соломинкой, сломавшей саксонскую спину. В приступе гнева Седрик лишил сына наследства, изгнал из дому и поклялся никогда больше не произносить его имя. Благодаря несдержанности Айвенго, Лукасу предстояло разбираться с разозленным отцом и тоскующей дамой сердца. Лукаса абсолютно не волновало, встретится ли он с отцом или нет, да и Ровена могла продолжать тосковать в свое удовольствие. У него было достаточно своих проблем. И все же, если он с ними столкнется, все могло существенно осложниться.

Лукас попытался проконсультироваться со своей запрограммированной памятью на предмет Поньяра, почти без толку. Должно быть, они расспросили Айвенго об его оруженосце, и как тот стал ему служить, но Уилфред, судя по всему, почти не думал о своем слуге, и все, что

Лукасу удалось выяснить, свелось к тому, что Хукер, предположительно, был опустившимся норманном, услуги которого Айвенго заполучил в результате победы в поединке. Очевидно, Уилфред так же часто задумывался о Поньяре, как о своем седле, что означало, что он вряд ли вспоминал о нем вообще. Что было действительно неудивительно. В конце концов, тот был просто собственностью. И все же Лукас мог ожидать, что Айвенго испытывает по отношению к своему оруженосцу хоть какие-то эмоции, но было похоже, что наш рыцарь был не самым чувствительным человеком.

Когда временной корпус оприходовал Айвенго, тот направлялся в Йоркшир, где собирался приобрести коня и рыцарские доспехи для участия в турнире в Эшби-де-ла-Зуч. Предварительно он подстерег норманнского монаха, ударил того по голове дубиной и забрал кошелек. Располагая и лошадью, и доспехом, Лукас посчитал, что оптимальным вариантом дальнейших действий будет отправиться на турнир, как Айвенго и собирался, и посмотреть, что из этого выйдет. Там соберется вся местная знать, ведь праздничные торжества были устроены самим принцем Иоанном с целью развлечь население. Лукас вспомнил, что такие же вещи проводили римляне. Если твои налоги оставляют народ без штанов, его представители начнут проявлять недовольство, так что надо время от времени устраивать шоу, чтобы переключить их мозги с неприятностей на что-нибудь другое. У римлян для этого были цирки, у норманнов – турниры. *Ничто не ново под луной.*

Утром они провели совет и наметили планы. Насколько им было известно, Айвенго и объявленный вне закона барон из Локсли никогда не встречались, хотя и могли слышать друг о друге. Следовательно, не было необходимости согласовывать их истории. Они решили устроить встречу, и турнир идеально подходил для этой цели. Условившись пересечься в Эшби, они отправились туда разными дорогами. Лукасу хотелось, чтобы его путешествие оказалось более продолжительным, но, в конце концов, он подъехал к Эшби, где в предвкушении турнира уже начала собираться толпа. Лукас надел снаряжение и натянул шлем, дав указание Хукеру облачиться в робу с капюшоном. Он все еще не был готов встретить кого-либо, кто знал Уилфреда из Айвенго.

Мостки для зрителей были уже обустроены, как и арены, представлявшие собой не что иное, как несколько заборов, идущих параллельно друг другу, образуя направляющие, по которым рыцари понесутся с разных концов, сшибаясь на полном скаку. Поле для схваток находилось в лощине с трибунами, установленными на возвышении, на небольшом холме, который предоставлял зрителям беспрепятственный обзор происходящего. По обе стороны от лощины были установлены шатры – палатки с развевающимися на пиках вымпелами, цвета которых позволяли идентифицировать занимавших их рыцарей. Цвета некоторых шатров соответствовали цветам вымпелов, показывая, какие из рыцарей были более зажиточными. Согласно обычаю, на одной стороне поля расположились хозяева, или принимающая команда, как думал о них Лукас, на другой – претенденты или гости. В распоряжении Лукаса был кошелек, который Уилфред добыл путем грабежа какого-то бедного священника, поэтому он отдал его Хукеру и отослал его с поручением застолбить для них шатер.

– Позаботься о том, что это был один из самых дешевых, – сказал он. – Игра только начинается, не помешает быть экономным.

По возвращении Хукер сообщил, что их шатер расположен в дальнем конце лощины, в стороне от центра мероприятия, но достаточно близко, чтобы позволить им наблюдать за происходящим из укрытия.

– Неплохо сработано, оруженосец Поньяр, – похвалил Лукас. – Пойдем. Да, и прихвати пару цыплят, которых вот там готовит торговец. Не вижу смысла драться на пустой желудок.

Лукас стоял у выхода из палатки, чавкая куриной ножкой и наблюдая за церемонией открытия. Хукер припахал одного из местных мальчишек, и за небольшую плату они вскоре

слушали спортивный репортаж с места событий. «В нашем случае, скоро начнется обмен ударами», – подумал Лукас. При сложившихся обстоятельствах – обычное дело для рыцаря. Это был большой турнир, участники собрались со всей страны. Было вполне объяснимо, почему обитатель глубинки, особенно тот, кто прибыл издалека, мог не разбираться во всех цветах и геральдических символах. Лукас сел на грубо сработанную кровать в палатке. С этого места он мог наблюдать за происходящим снаружи, в то же время создавая впечатление, что он набирается сил перед своим боем. Хукер стоял снаружи с парнишкой лет двенадцати, который, похоже, знал всех участников, как современный пацан знал бы всех игроков в его любимом виде спорта.

– Сообщай обо всем подробно, – сказал Лукас парню. – Я хочу закрыть глаза и немного отдохнуть.

После чего, пока мальчик рядом с палаткой транслировал происходящее в мельчайших деталях, Лукас поменял позицию, чтобы видеть все то, что тот описывал. Ему могли бы простить то, что он не узнает все цвета, но было бы немного странно, если бы он не знал о них вообще.

Приближался полдень, все было готово к началу состязания. Оно могло бы стартовать несколько часов назад, если бы не тот факт, что требовалось дожидаться появления знати, которая прибывала в час по чайной ложке. Каждый представитель сословия оттягивал свое прибытие на величину опоздания, соответствующую его мнению о собственной позиции в неофициальной иерархии. Лорд Синий нос не смел занять свое место раньше графа Сильного мира сего. Наконец, все расселись, за исключением принца и его свиты. Они прибыли под многочисленные фанфары, которые напомнили Лукасу рев слонов Ганнибала. Меньше всего его волновали предстоящие поединки. В сравнении с атакующим самцом слона облаченный в доспех конный рыцарь казался Лукасу чем-то банальным.

Иоанн прибыл на великолепном боевом коне в окружении своих рыцарей. Юный комментатор Приста назвал их ему, определив всех по цветам и эмблемам на щитах, которые несли их оруженосцы. Там был Морис Де Брейси во главе группы вольных компаньонов, другими словами – наемников. Де Брейси был весь в золоте, что показалось Лукасу уместным, с эмблемой пылающего меча на щите. По левую руку от Иоанна находился воин-священник, тамплиер Брайан де Буа-Гильберт. Он был одет в черно-белые цвета своего ордена, его щит украшал стилизованный ворон с распростертыми крыльями и черепом в когтях. Рядом с ним ехал сэр Реджинальд Фронт-де-Беф, напоминающий быка рыцарь, внешность которого соответствовала его имени. На нем были синий лакированный доспех, а его щит был украшен головой быка. Чуть позади них, одетый в яркие, кроваво-красные цвета с крестом из королевских лилий на щите, находился рыцарь, которого мальчик назвал Андре де ла Круа. И в авангарде расположился сам принц.

Иоанн Анжуйский был одет, как денди, – по последней моде, картину дополняли короткий плащ с меховой отделкой и сапоги с задранными носами. Его черная клиновидная борода была аккуратно подстрижена, волосы спускались до плеч. Их завитые концы напомнили Лукасу стиль, модный у женщин в период после Второй мировой. Во время езды он выставлял на показ маленькую булаву, экстравагантную штукуну с треугольной головкой, которая казалась скорее показушной, чем боевой. Картину завершала бархатная шляпа Иоанна, надетая под щегольским углом.

Он провел свой маленький парад по аренам и перед трибунами, охорашиваясь перед толпой, которая с некоторым энтузиазмом его поприветствовала. Пусть он и был тираном, но он был покровителем праздника, и люди казались благодарными за те незначительные блага, которые они могли получить. В то же время, были на мостках и такие, кто демонстративно отказался аплодировать Его Величеству. Кто-то все еще был предан Ричарду и, конечно же, у саксонцев было мало причин любить Иоанна. Впрочем, принца больше волновали не они,

а их женщины. Он неторопливо проехался вдоль трибун и остановился перед секцией, где аплодисменты были самыми жидкими. Лукас немного сместился, чтобы разглядеть то, что привлекло его внимание. Как оказалась, принц пялился на симпатичную блондинку.

– Принц дерзко смотрит на прекрасную леди Ровену, – сказал мальчик с небольшим раздражением, отражающим его саксонскую гордость. – Это не понравится благородному Седрику.

Лукас встал и подошел ближе, чтобы лучше видеть. И так, это были его предполагаемая возлюбленная и его отец. «Вот тебе и плата за появление на этом турнире», – подумал он. Он не испытывал никакого желания воссоединиться с семьей. Пока он наблюдал, Иоанн приблизился к Ровене, и Седрик, явно недовольный этим вниманием или чем-то, что сказал Иоанн, встал между сувереном и своей воспитанницей. Иоанн что-то сказал Де Брейси, и Лукас увидел, как рыцарь вытянул копьё, словно нанося сильный тычок по ребрам Седрика. Крепкий саксонец отреагировал мгновенно: выхватив меч, он быстрым рубящим ударом отсек наконечник копьё Де Брейси.

– Так, – сказал Хукер, – начинается интересное.

На мгновение Де Брейси тупо уставился на свое ампутированное копьё – скорость удара Седрика застала его врасплох. Но тут кто-то громко крикнул: «Отличный удар!», и толпа разразилась аплодисментами и смехом. Де Брейси покраснел, как свекла, и схватился за меч, но его руку накрыла другая рука в перчатке. Он поднял глаза и увидел улыбающееся лицо красного рыцаря, который ехал рядом с ним.

– Ты находишь это забавным, де ла Круа? – огрызнулся Де Брейси.

– Нет, скорее предсказуемым, зная характер Седрика, – ответил Андре де ла Круа, подавив смех. Два рыцаря разговаривали по-французски, как и все норманны, когда они не обращались к саксонцам на смешанном языке *лингва франка*.

– Убери руку, – очень спокойно произнес Де Брейси.

– Сейчас, – сказал де ла Круа, – только помни, что состязание было устроено для ублажения сброда, чтобы отвлечь его, хотя бы на время, от пустых кошельков. Будет несколько нецелесообразно продырявить Седрика, которому они симпатизируют.

Нахмурившись, Де Брейси ослабил хватку на рукояти меча, и де ла Круа убрал удерживающую руку. Между тем, Иоанн пропустил эту сценку, охваченный негодованием по отношению к человеку, который вызвал реакцию толпы и смех, крикнув: «Отличный удар!»

– Ты! – он указал жезлом на виновника. – Как твое имя?

– Меня зовут Грант Лудильщик, – сказал мужчина.

– Не нравится мне твое лицо, – сказал Иоанн. – Выйди вперед!

Бобби Джонсон нырнул под перила и подошел к коню монарха. Он наклонил голову в маленьком и совершенно неадекватном поклоне.

– Ты дерзок, лудильщик.

– Я просто поддаюсь эмоциям, увидев столь хорошо нанесенный удар, – сказал Бобби, походя опуская все уважительные обороты в своем обращении к принцу.

– Как лудильщик может судить о подобных вещах? – сказал Иоанн с презрением.

– Это правда, я не рыцарь, – произнес Бобби, – но я неплохо стреляю из лука и могу оценить мастерство, проявленное человеком в том, что он делает лучше всего.

– Так ты считаешь себя лучником? И почему обычный лудильщик озаботился изучением этого боевого искусства?

– В трудные времена живем, – сказал Бобби. – Бандиты повсюду, и мужчина должен уметь за себя постоять.

– Этот человек невероятно наглый, сир, – сказал Фронт-де-Беф. – Позвольте мне его проткнуть, и покончим с ним.

– Нет, – сказал Иоанн. – Я желаю поразвлечься с этой деревенщиной. Мы проверим его. Мы увидим, насколько хорошо ты стреляешь, лудильщик, настолько ли метки твои стрелы, насколько дерзок твой рот. Шериф, выставь мишени. Сегодня мы начнем со стрельбы из лука. И если твое мастерство не окажется под стать твоей безрассудности, мой неотесанный друг, я позабочусь, чтобы ты получил плетей за свою наглость.

Герольды объявили начало турнира, Иоанн и его свита заняли места на трибунах в отдельной секции, расположенной выше других и огороженной со всех сторон, из которой открывался прекрасный вид на поле. Мишени были установлены, и Бобби вышел вперед, чтобы занять свое место среди соревнующихся. Их было не так много, ведь претендентам пришлось бы состязаться с норманнскими лучниками Иоанна, славившимися своей меткостью.

– Видишь, что ты натворил, – проворчал Финн Дилейни, который пошел вместе с Бобби, чтобы держать его колчан и плащ.

– Видишь, что ты натворил, сэр, – сказал Бобби, ухмыляясь. Финн был достаточно стар и годился ему в отцы.

– Иди ты, не морочь мне голову, – сказал Финн. Он провел мясистой рукой по густым рыжим волосам. – Это не смешно. Он ведь не шутил, когда говорил о порке. Думаешь, они успокоятся после того, как спустят с твоей спины немного кожи? Эти ублюдки не остановятся, пока ты не загнешься!

– Ну, это в том случае, если я проиграю, – сказал Бобби.

– Да кем ты себя возомнил, Робин Гудом?

Бобби уставился на него в изумлении, потом рассмеялся.

– Ладно, очень смешно, – сказал Финн, насупившись. – Но что, если любой из этих парней лучше тебя?

– Думаю, тогда у нас будут неприятности.

– У нас?

– Спасибо, Финн. Не сомневался в твоей поддержке.

– Иисусе, ты же мог хотя бы назвать его сиром или Вашим Величеством, или еще кем-нибудь. Нет, тебе надо было выйти и разозлить его. Какого хрена?

Бобби передал ему плащ и шляпу.

– Ты должен быть Маленьким Джоном, – сказал он, – а я должен быть самым быстрым стрелком Шервудского леса, помнишь? Если я выиграю эту перестрелку, об этом будут говорить повсюду. Можешь придумать лучший способ заявить о себе?

– Дай мне минуту, уверен, я что-нибудь придумаю.

– Так думай скорее, потому что это шоу вот-вот начнется.

Снова взревели трубы, и герольд объявил, что каждый участник выпустит три стрелы на дистанции в семьдесят пять шагов. Сразу после этого объявления семеро стрелков отказались от участия. Осталось только девять, Бобби в том числе. Каждый стрелял в своем темпе, целясь столько времени, сколько понадобилось, чтобы выпустить три стрелы подряд. Каждый выстрел Бобби попадал в золото без видимых усилий с его стороны, и большинству зрителей на трибунах показалось, что он едва целился. Только два лучника показали такой же результат, остальные отсеялись.

– Неплохо, – произнес Финн.

– На тренировках по стрельбе бывало тяжелее, – заметил Бобби. – Да и этот спорт для меня уже давно не в новинку. Как-нибудь напомни рассказать тебе, как я брал уроки стрельбы у Одиссея.

Цели были отодвинуты на расстояние порядка ста ярдов. Они отстрелялись опять, на этот раз выбыл один человек. Остались Бобби и Хьюберт, лучший лучник Иоанна.

– Если Хьюберт не сделает этого наглого хвастуна, – сказал Иоанн, – спущу с него шкуру. Мишени отодвинули на расстояние около ста двадцати ярдов.

– Ты сможешь? – прошептал Финн.

– Как два пальца.

Первым должен был стрелять Хьюберт. Он натянул тетиву своего длинного лука к правому уху, тщательно прицелился, подождал, когда стихнет ветерок, и выпустил стрелу. Последняя прочертила в воздухе изящную кривую и воткнулась прямехонько в центр золота. Трибуны взорвались аплодисментами.

– Ха! – воскликнул Иоанн, пришедший от выстрела Хьюберта в восторг. – Ну-ка поглядим, как саксонский ублюдок сделает выстрел лучше! Это невозможно!

Сердце Финна опустилось.

– Чертовски удачный выстрел, – сказал Бобби. – Я бы сейчас отдал левое яйцо за ламинированный рекурсивный Браунинг со стабилизаторами.

– Что будем делать?

– Нам остается только *одно*.

– Признать поражение и сбежать?

– Нет, воспользоваться читом.

Он повернулся спиной к трибунам, заняв положение, при котором Хьюберту не было видно, что он делает. Достал из колчана стрелу, отличавшуюся цветом от остальных, и приладил черную стрелу к луку.

– Маленькая штучка от парней из арсенала, просто на всякий случай, – сказал он Финну.

– В чем уловка?

– Посмотри в колчан, там есть черная коробочка. Когда я устанавливаю стрелу, тетива нажимает взводящий переключатель. Как только я сделаю выстрел, утопи кнопку на коробочке. В древке расположена интегральная микросхема, сопрягающая детектор черного металла в бронзовом наконечнике стрелы с системой управления оперением.

Финн улыбнулся во весь рот.

– Вот что я называю стилем, – сказал он.

– Не знаю, о каком стиле ты говоришь, – сказал Бобби, – но у меня очень развито чувство самосохранения. В наконечниках черных стрел имеются кумулятивные заряды. Просто встань между мной и Хьюбертом, пока я их снимаю, я не хочу взорвать мою цель.

Перешептывание Бобби и Финна было принято Хьюбертом за признак нерешительности. Он широко улыбнулся и начал вести себя так, словно уже победил. В самом деле, у него не было причин думать иначе. Когда Бобби встал в стойку и натянул лук, толпа замерла. Никто не верил, что лудильщик мог каким-то образом сделать такой же выстрел, не говоря уже о том, чтобы его превзойти, но они уважали его решимость.

– Ему ни за что не сделать выстрел лучше, чем у Хьюберта, – сказал Иоанн с уверенностью. – Я преподам этой саксонской дворянке урок хороших манер.

Бобби сделал вид, что целится, и выпустил стрелу. Как только снаряд сошел с тетивы, Финн нажал кнопку, активирующую систему наведения. Стрела была на полпути к цели, когда детектор черных металлов обнаружил присутствие железного наконечника прямо по курсу. К счастью, поблизости не было других железных предметов, которые могли бы сбить с толку систему, и стрела летела прямо в цель под управлением подстраивающегося оперения, пока не вошла в торец древка стрелы Хьюберта, расколов его точно пополам. Потом она достигла наконечника с силой, которая вогнала его глубоко в мишень. На какое-то мгновение наступила полная, невероятная тишина, а потом толпа взревела.

Хьюберт раскрыл рот от удивления. Он мог поклясться, что лудильщик целился мимо.

– Клянусь богом, этот мужик – дьявол, а не лучник, – от удивления Иоанн выругался, позабыл о своем раздражении. – Я возьму на службу любого, кто способен так стрелять!

И он сделал бы предложение, но тут толпа выкатилась на поле, чтобы поздравить одного из своих, радуясь победе саксонца над норманном. Когда шумиха утихла, и толпа рассеялась, оде-

тый в черное лудильщик и его друг в ярко-зеленом исчезли. Не появились они и для получения приза. Весь в недоумении, Иоанн назвал человека малодушным трусом и выразил надежду, что его норманнские рыцари проявят себя лучше, чем его жалкие лучники. Хьюберт покинул поле с видом побитой собаки.

Иоанн взмахнул жезлом и приказал начать турнир.

Перфоманс лудильщика произвел весьма сильное впечатление на саксонского мальчишку. Он был не в состоянии сдерживать свою радость. Лукас подумал, что Бобби чуточку переиграл. Это было рискованно. Очевидно, что последняя стрела была управляемой. Лукас допускал, что у Бобби не было другого выбора, так как превзойти выстрел норманнского лучника было просто невозможно, но по любому все это ему не очень нравилось. К счастью, Бобби удалось забрать стрелу и слиться с толпой. Хотя в этом он проявил благоразумие. Самонаводящаяся стрела была оснащена защитным механизмом, который сжег бы электронику внутри древка в случае, если какому-то пытливому чужаку пришло бы в голову хорошенько ее рассмотреть, но он все равно был рад, что Бобби удалось вернуть свою стрелу и исчезнуть. Это был невозможный выстрел. Иоанн мог потребовать его повторения, чтобы убедиться, была это удача или мастерство. Если бы все произошло повторно, появилось бы доказательство сверхчеловеческого умения. Это могло бы привлечь внимание и помочь заслужить симпатию местных жителей, что пригодилось бы для выявления рефа-отступника, но также в этом был бы определенный перебор.

Приближалась его очередь. Лукас решил максимально выждать и понаблюдать за складывающейся ситуацией. В доспехе из найстила он будет в относительной безопасности, но его все еще могли вышибить из седла, и все его мысли были сосредоточены на том, чтобы этого не допустить. У него не было ни малейшего намерения сломать себе шею.

После того, как герольды объявили правила состязания, он внимательно рассмотрел других рыцарей, наблюдая, как они садятся на своих лошадей. Правила были достаточно простыми. Вызывающий на бой рыцарь должен пересечь арену и коснуться копьем щита того, с кем он хочет сразиться. Если касание сделано тупым концом копья, то состоится галантная схватка, и острия копий будут закрыты деревянными наконечниками. Это не исключало нанесения повреждений, но шанс проникающего ранения практически исключался. Зато, если кто-нибудь делал вызов, прикоснувшись к щиту острием копья, все сразу становилось серьезным. Это либо означало, что он был кровожадным, либо что у него были какие-то личные претензии к вызываемому рыцарю, ведь после этого поединок будет проводиться с копьями без заглушек. По очевидным причинам большинство рыцарей на турнирах предпочитали галантный вариант. И по не менее очевидным причинам, толпа обожала, когда щитов касались наконечники копий.

Первый рыцарь выехал вперед и направился к норманнской стороне. Мальчик назвал его Лукасу, сосредоточенно и вдохновенно отыгрывая свою роль спортивного репортера. Лукас не уделял происходящему столь пристального внимания. Его не интересовали эти рыцари. Ему предстояло состязаться не с ними. Он не отводил глаз от домашней команды.

Рыцарь подъехал к норманнской стороне и пустил лошадь медленным шагом вдоль палаток, рядом с которыми стояли столбы с висящими на них щитами. Он немного притормозил у столба, на котором находился щит Фронт-де-Бефа, а затем ударил его тупым концом копья. После чего возвратился на свою сторону и ждал, пока Фронт-де-Беф займет позицию. Прозвучали фанфары, и оба рыцаря прищипорили коней и с грохотом понеслись навстречу друг другу с противоположных концов поля. Они въехали на арену и опустили копья в позицию для нанесения удара.

Лукас заметил, что Фронт-де-Беф опустил копье несколько рано, показав куда именно он хочет нанести удар. Они сшиблись с дребезгом и треском, и Фронт-де-Беф вломил по щиту соперника с такой силой и прямо по центру, что того просто снесло с лошади. Фронт-де-Беф

и сам получил удар, но он был сложен под стать фигуре на его щите и, слегка качнувшись, удержался в седле. Домашняя команда – 1, гости – 0.

Подбежало два оруженосца с деревянными носилками, но рыцарь на земле махнул рукой, отсылая их прочь. Он попытался встать самостоятельно, не смог совладать с весом доспехов, и оруженосцам пришлось помочь ему подняться на ноги. Пару секунд его шатало, как пьяного, потом он позволил парням поддержать себя и увести с поля. Его проводили негромкими признательными аплодисментами.

Следующий претендент коснулся щита, принадлежавшего Де Брейси. Лукас решил, что этот достоин более пристального внимания. Люди не идут в наемники, если только они не знают чертовски хорошо, что делают. Де Брейси живо выехал навстречу своему оппоненту. В его осанке угадывалась напряженность, только не нервная, это была напряженность предвкушения. Человека, который получал от драки удовольствие.

Он посмотрел через поле на своего соперника, кивнул ему, тот вернул приветствие, а затем они оба опустили забрала и рванули с места. Лукас увидел, что Де Брейси выждал до последнего момента, чтобы правильно расположить свое копьё, при этом подняв щит чуть выше принятого, и вскоре он понял почему. Когда рыцари сошлись, Де Брейси слегка сместил корпус в сторону противника, используя щит, чтобы замаскировать движение. На самом деле, он мог бы не беспокоиться о тонкой уловке. Его соперник решил нанести удар в голову, самой трудной цели. Он промахнулся вчистую, и Де Брейси легко свалил его на землю. Толпа криками и хлопками подбодрила его, и Лукас заметил, что секция Седрика снова воздержалась от аплодисментов.

Следующим был тамплиер, Буа-Гильберт. Священник-воин. Лукаса всегда поражало то, сколько представителей церкви сначала проповедовали учение Христа, а потом отправлялись в мир умываться кровью в его славу, как тот же папа-воин Юлий II. «Уверуй в мир и любовь, иначе я убью тебя», – подумал Лукас. Старая песня. Чтобы получше рассмотреть Буа-Гильберта, Лукас сделал вид, что примеряет свой шлем и хочет проверить соединения. Он опустил забрало и подкрутил увеличение изображения.

Тамплиер хорошо выглядел, казался загорелым и смуглым, и у него были самые злые глаза, которые когда-либо видел Лукас. Он мог бы дать фору Аггиле в категории «Если бы взгляд мог убивать». И тут он заметил забавную особенность его копьё.

В деревяшке, прикрывавшей наконечник копьё, была еле заметная, толщиной в волос, трещина. Из которой высовывался самый кончик оружия. В момент контакта дерево расколется, и острие копьё нанесет удар. Все будет выглядеть, как случайность.

Раздались фанфары, оба рыцаря прищипорили лошадей и перешли в галоп. Скакун Буа-Гильберта был тяжелой, мускулистой строевой лошадей, которая определенно превосходила ростом большинство остальных лошадей. Его соперникам поневоле приходилось наносить удар снизу вверх, что сразу ставило их в невыгодное положение. Кроме того, его щит с вороном, несущим в когтях череп, был увеличенного размера и тяжелым. В этом не было ничего плохого, но это демонстрировало, что их владелец позаботился о получении всех возможных преимуществ. Нельзя сказать, что Лукас его осуждал, учитывая хитрые стрелы Бобби и его собственный доспех из найстила.

Буа-Гильберт несся подобно джаггернауту, держа свой щит низко и опустив голову. Лукас не смог найти недостатка в его технике. Она казалась безупречной. Он ударил соперника за щитом, прямо в грудь. Рыцарь был натурально вырван из седла. Вполне ожидаемо дерево расколосось, и, когда оруженосцы бросились к упавшему рыцарю на помощь, они обнаружили его совершенно мертвым.

Все было кончено. Были и другие вызовы, но после демонстрации силы домашней команды, никто особо не рвался попытать удачу. Оставшийся норманнский рыцарь, де ла Круа, восседал без шлема на своем гнедом жеребце. Рыцарь в красном выглядел почти скучающим.

Лукас выждал, пока герольды не прокричали еще дважды о желающих бросить вызов, после чего решил, что время пришло. Других желающих не было. Он сказал Хукеру, чтобы тот заплатил пареньку и отослал его восвояси, зашел за палатку и взобрался в седло. Ему не требовалась чья-то помощь, чтобы сесть на лошадь. Найстиловый доспех был намного совершеннее тех, что носили другие рыцари. Он принял свое копьё и щит от Хукера, подождал, пока тот протрубит в рог и двинулся вперед.

Как только он приблизился, по трибунам прошел шорох, что было предсказуемо. Никто не имел ни малейшего понятия, кто он такой. Лукас был весь в белом и на белом жеребце, что его позабавило, поскольку он должен был быть одним из хороших парней. На его щите была друидского вида эмблема: дуб с зеленой кроной и с обнаженными корнями, словно вырванный из земли. Он провел свою арабскую лошадь по арене и проехал мимо всех норманнских палаток, делая вид, что мельком разглядывает каждый щит. Несмотря на то, что уже принял решение. Это было не то, что он хотел бы сделать, зато это был стратегически выгодный ход. Любой из виденных им норманнских рыцарей мог создать ему проблемы при выполнении задания, а неприятности были ему не нужны. Кроме того, Бобби продемонстрировал ему хороший пример и поступок, который было трудно превзойти. Он поднял копьё, всадил шпоры в жеребца, и поскакал вдоль линии, сбивая все щиты острием своего копьёя.

3

Толпа возликовала, многие криками подбадривали белого рыцаря, возвращавшегося на свою сторону поля. Вплоть до этого момента, если не считать представления, устроенного лудильщиком, зрелище было весьма скучным. Крови не было, за исключением незадачливого рыцаря, выбитого из седла Буа-Гильбертом. Теперь турнир станет действительно интересным. Досадно, что этот белый рыцарь будет убит, но они будут аплодировать его храбрости.

– Этот белый рыцарь мне незнаком, – сказал Иоанн Фиц-Урсу. – Ты его знаешь, Вольдемар?

Благородного вида советник Иоанна, который был старше принца на двадцать лет, наклонился вперед и прошептал принцу на ухо:

– Впервые вижу подобную эмблему на щите, сир. Похоже, он не из наших краев.

– Дуб, вырванный с корнем, – задумчиво пробормотал Иоанн. – Что бы это могло значить?

– Возможно, это намекает, что сам рыцарь был изгнан со своей родины, – сказал Фиц-Урс. – Похоже на кряжистый английский дуб. Возможно, он саксонец, один из тех, кто уехал воевать с Саладином с вашим благородным братом.

– Если он из стаи Ричарда, то это даже хорошо, что он выбрал копьё без насадок. Похоже, у него нет большого желания жить. Коли так, то мы окажем ему услугу. Фронт-де-Беф быстро уложит его на землю.

Оба рыцаря заняли позиции, и Фронт-де-Беф поднял забрало. Белый рыцарь сидел неподвижно на дальнем конце поля, его белый жеребец бил копытом. Он отказался показать свое лицо. С проклятием Фронт-де-Беф захлопнул забрало.

– А он дурно воспитан, этот новый рыцарь, – сказал де ла Круа Буа-Гильберту.

– Несомненно, какая-то неучтивая саксонская свинья, которой больше идет роль свинопаса, чем рыцаря. – Фронт-де-Беф научит его придворным манерам.

Прозвучали фанфары, и оба рыцаря устремились на ристалище. Копье Фронт-де-Бефа разлетелось на щите белого рыцаря, и рыцарь, и конь упали, Фронт-де-Беф получил мощный удар в голову. Конь поднялся, Фронт-де-Беф – нет. Оруженосцы вынесли мертвого норманна с поля.

Секция Седрика ликовала до хрипоты.

– Немного агрессивны, эти саксонские свинопасы, – сказал лаконично де ла Круа.

Тамплиер сплюнул.

– Бог улыбается дуракам и идиотам, – проронил он. – Это была чистая случайность и плохая удача для Фронт-де-Бефа. Пусть саксонцы немного порадуются своему чемпиону. Морис уложит его.

Белый рыцарь возвратился на свою сторону поля и ждал, когда Де Брейси займет позицию. Де Брейси выехал вперед на своем сером, без шлема. Он сидел и ждал в надежде, что белый рыцарь проявит уважение и откроет лицо, но тот был недвижим и не собирался поднимать забрало. Де Брейси продолжал сидеть, выжидая. В конце концов, его терпение лопнуло, и он приказал подать шлем.

– Я оторву голову этому ублюдку, – пробормотал он, пока его оруженосец, стоя на деревянной платформе, одевал ему шлем.

Раздались фанфары, и Де Брейси пулей сорвался с места, опять выждав до последнего момента, прежде чем взять копьё наперевес. И снова белый рыцарь принял удар на щит, разнеся копьё Де Брейси в щепки, в то время как его собственное ударило золотого рыцаря в плечо, свалив того с лошади и завершив для него турнир. Толпа безумствовала. Спустя мгновение Де Брейси был на ногах, но в том месте, где копьё пробило доспех, показалась кровь.

– Похоже, костоправы сегодня не останутся без работы, – сказал де ла Круа все тем же отрешенным тоном.

– Тогда я позабочусь, чтобы могильщикам тоже было чем заняться, – добавил Буа-Гильберт, позволяя своему оруженосцу надеть ему шлем. Он отъехал и занял позицию, не проявив вежливости в отношении белого рыцаря и не показав ему лицо, отвечая грубостью на грубость. Белый рыцарь коснулся рукой в перчатке забрала в небрежном салюте, который только еще больше разъярил тамплиера.

– Шел бы ты со своим салютом, саксонская свинья, – проронил он. – Подожди немного, и ты будешь салютовать ангелам.

Протрубили фанфары, и они помчались, несясь навстречу друг другу на полном скаку.

Лукас был разозлен, если не сказать больше. В острие его копья был размещен маленький хитрый гаджет, который позволял сгенерировать акустический импульс, очень быстрый и очень смертоносный. Единственная проблема состояла в том, что после того, как он избавился с его помощью от Фронт-де-Бефа, девайс великолепно выполнил свою функцию и в тот же момент вырубился. «Отстойное армейское снаряжение, – подумал Лукас. – И надо же ему отказать, когда ты больше всего в нем нуждаешься». Он поблагодарил бога, что у него все еще были доспех и щит. Найстил был непробиваем. Он все еще обладал солидным преимуществом.

Де Брейси был хорош, но, благодаря реализованной в шлеме возможности увеличения картинки, он нашел его слабое место. Когда перед самым столкновением он делает этот небольшой обманчивый поворот корпуса, его правое плечо на долю секунды становится незащищенным. Доля секунды, но больше Лукасу и не требовалось. Он ударил Де Брейси в уязвимое место и снес его с коня. Тот не получил серьезных увечий, но пройдет немало времени, прежде чем он сможет взять в руки меч или копье. Вряд ли это заставит Де Брейси полюбить его, добиться этого было непросто. Будь его воля, Лукас бы его убил. Он представлял угрозу и еще легко отделался. Лукас проклял свое копье. Снабженцы еще свое получают. Сейчас ему предстояла схватка с Буа-Гильбертом и, священник или не священник, тамплиер был не промах с копьем.

Он увидел, как тамплиер выехал на исходную, и заметил, что тот не поднял забрало, как все остальные. Причина, по которой он не поднимал свое, была простой. Его «отец» и «возлюбленная» находились на трибуне, и им было лучше думать, что Айвенго все еще далеко и сражается с сарацинами. Ему предстояла работа, и он не хотел усложнять ситуацию семейными неурядицами. То, что тамплиер не поднял забрало, продемонстрировало его характер. Темпераментный тамплиер. Лукас улыбнулся в своем шлеме. Это его полностью устраивало. Когда человек злится, он склонен ошибаться. А до этого момента он не видел, чтобы Буа-Гильберт делал ошибки.

Протрубили начало боя, и Лукас послал лошадь вперед, понимая, что в схватке с тамплиером ему понадобится каждая унция скорости. Он перевел переключатель шлема, контролирующей степень увеличения объектива внутри забрала. Это был осознанный риск. Использование увеличения в бою и на скорости могло исказить перспективу, если не получится достаточно быстро вернуться от увеличенного изображения к стандартному. Если его выбьют из седла и при падении он погибнет, доспех из найстила не отправится на помойку, и кто-то может обнаружить, что он может проделывать всевозможные интересные вещи. С исторической точки зрения, это может вызвать проблемы, но ведь если он потерпит неудачу в своей миссии, это будет означать гораздо большие проблемы, чем просто оставленный без присмотра футуристический доспех.

Буа-Гильберт и в самом деле был в отличной форме. Но он был зол, и это играло на руку Лукасу. Щит тамплиера был большим, и он хорошо укрылся за ним, снизив возможность нанести прицельный удар до минимума. Его лошадь была больше арабской, и он будет бить немного сверху вниз. Он помнил, как Лукас нацелил копье в голову Фронта-де-Бефа и пре-

успел, поэтому он держал свой щит несколько высоко, чтобы иметь возможность отклонить копьё в случае, если Лукас попробует тот же прием еще раз. На этом Лукас и собрался его подловить. Благодаря реализованной в шлеме возможности увеличения картинки, он нашел его слабое место. У того было открыто бедро, которое вполне согдится. Если идущий снизу вверх удар будет нанесен правильно, Буа-Гильберт вылетит из седла. Удар не смертельный, если только ему не повезет пробить доспех и поразить бедренную артерию, в общем, его устроят оба варианта. Учитывая превосходную технику тамплиера, выбирать не приходилось.

Лукас переключил объектив шлема в обычный режим и сделал выдох. Буа-Гильберт собирался бить в голову, и он понятия не имел о том, что Лукас уже разгадал его замысел. Лукас вынес копьё под щит в последний момент, перед самым столкновением, подавшись слегка вправо, что угрожало его равновесию, но в результате копьё Буа-Гильберта прошло всего в доле дюйма над его головой. Толчок от нанесенного удара почти заставил Лукаса потерять стремена, но он сумел удержаться. Когда он добрался до противоположного конца арены и развернул лошадь, то с удовлетворением увидел, что тамплиер повис на перегородке и корчится на ней, пытаясь упасть на любую из сторон. Он выронил свой щит и копьё, и его конь промчался дальше без всадника. Проезжая мимо него на обратном пути, Лукас испытал разочарование, увидев, что не нанес видимого ущерба. Этого он и боялся. Он ощутил, как его копьё слегка рикошетировало в момент удара, и догадался, что оцарапал бедренные пластины и нанес скользящий удар по набедреннику, но этого оказалось достаточно, чтобы выбить противника из седла. Грех было жаловаться. Учитывая отказ его акустического устройства, он выступил не так уж и плохо. Проезжая мимо тамплиера он подтолкнул того тупым концом копья, оказав неблагородную помощь в его попытках отцепиться. Храмовник рухнул на землю, словно металлолом посыпался.

Принц Иоанн был в ярости.

– Клянись небесами, это невыносимо! Сначала саксонский жестянщик посрамил моих лучников, а теперь этот безымянный рыцарь отнимает у меня Фронт-де-Бефа, протыкает Де Брейси, и оставляет тамплиера повисшим на перегородке, словно освежеванный олень! Кто-нибудь положит конец этой наглости?

– У нас все еще есть кровавый де ла Круа, – сказал Фиц-Урс.

Иоанн набычился.

– Раздражает зависимость от этого притворно улыбающегося баска с его вымышленным именем. Он обходится мне дороже, чем половина свободных компаньонов Де Брейси. Если бы он того не стоил, я бы дал столько же, чтобы избавиться от его мягких речей и ухмыляющихся глаз.

– Наглость де ла Круа свойственна его народу, – заметил Фиц-Урс. – И если его мягкие и манерные повадки кажутся нам издевательством, они более чем компенсируются его мастерством на поле боя, качеством, которое, при всем моем уважении, сир, вы не можете позволить себе не заметить.

– Справедливо, слишком справедливо, – проворчал Иоанн. – Будем надеяться, что он отработает деньги, которые мы ему платим. Этот белый рыцарь опозорил моих лучших людей.

Объект их разговора спокойно сидел верхом на гнедом жеребце и в задумчивости смотрел на поле, по которому белый рыцарь возвращался на дальний конец арены. Сквайр красного рыцаря закрепил шлем де ла Круа, затем подал ему копьё и щит.

– Как думаешь, ты сможешь его победить? – спросил оруженосец.

– Не знаю, братишка, – ответил де ла Круа. – Есть в нем что-то очень странное. Он атакует быстро и вульгарно, и ты заметил, с какой легкостью он движется в своем доспехе? Его щит выдержал натиск мощных ударов, но на нем не осталось их отметин. Он мгновенно распознал слабость Де Брейси – его плечо, нашел брешь в защите Буа-Гильберта, который редко

допускает подобное, и я нескоро забуду то, что он сотворил с Фронт-де-Бефом. Этот выдернутый с корнем дуб совсем не так прост, каким кажется на первый взгляд. Так как – должны мы проявить галантность, а?

Красный рыцарь похлопал легонько оруженосца по плечу рукой в перчатке, прежде чем принять щит с крестом из белых королевских лилий на красном. Фанфары проревели старт, и де ла Круа дал шпоры гнедой боевой лошади.

Лошадь красного рыцаря была свежее, чем жеребец белого, и все же они мчались навстречу друг другу, как стрелы, выпущенные из арбалета. Оба рыцаря взяли копыя наизготовку, оба заняли идеальную позицию. Они сошлись в центре арены с оглушительным грохотом, который разнесся по лощине, словно молот ударил по наковальне. Сила ударов была такой, что оба были почти выброшены из седел, в каждый из щитов пришелся удар копьём. Встреча привела к скрежещущей, полной дрожи остановке, обе лошади припали на колени. Оба копыя разлетелись. Никто не упал с лошади.

Лукас смотрел на обломок своего копия и не мог поверить в происходящее. Ему показалось, что кто-то засунул его голову в гигантский гонг, а затем долбанул по нему со всей дури, вызвав звон, угрожающий разорвать его череп, словно дыню. Его копьё сломалось! Оно не должно было сломаться! Сначала перестало работать акустическое устройства, теперь – все копьё! Которое у него было всего одно! Где, во имя Христа, он возьмет другое?

Он медленно поехал на свой конец арены, чувствуя вкус крови, перед глазами плыло. Кровь шла из обеих ноздрей. Он ощущал себя так, словно его переехал поезд. Он мог видеть беснующуюся толпу, но ничего не слышал. Единственным звуком в его голове было бам-бам-бам, непрекращающееся эхо столкновения. Доспех и щит спасли его, но все, что ему удалось, это остаться в седле. Лошадь тоже была не слишком рада этому.

«Вот дерьмо», – подумал он. Вот он, человек 27-го века, ощущающий свое превосходство над этими неандертальцами... И тут появляется де ла Круа и выплескивает ему в лицо ведро холодной воды.

Он вернулся на исходную позицию, где на него с беспокойством смотрел Хукер. Он бросил ему беспомощный взгляд, на мгновение подняв забрало и сделав глоток воздуха. И что ему теперь делать? У них не было запасных копий.

– Выражение лица вашего оруженосца отражает ваши проблемы, безмянный рыцарь, – произнес голос совсем рядом. Лукас едва его расслышал. Он быстро закрыл забрало и повернулся, рядом с ним стоял молодой оруженосец с копьём. – Мой лорд и господин, увидев, как вы расправились с Фронт-де-Бефом, повелел найти ваш шатер и принести вам эля в честь вышей победы. Я не мог не обратить внимания, что вам недостает запасного оружия. Несомненно, тому виной обстоятельства, которые вы были не в состоянии проконтролировать. Я доложил об этом моему господину, и он приказал мне предложить вам вот это, его копьё, если гордость позволит вам его принять. Для благородного Ательстана будет честью, если вы окажете любезность, проверив его копьё в бою в этот день.

Молодой солдат протянул копьё Лукасу. «Значит, – подумал Лукас, – рыцарский дух все еще жив». Он осознал, насколько глупой была эта мысль в то самое мгновение, когда она пришла ему в голову, и он сделал все возможное, чтобы не рассмеяться в голос. Так уж было ему свойственно, что всякий раз, когда он был напуган до безумия, у него проявлялась обескураживающая склонность к смущению. Нервная реакция, которая при сложившихся обстоятельствах, могла быть неправильно понята. Он откинулся назад и проглотил свою истерию.

– Передайте вашему господину, что я обязан его гостеприимству и что сожалею, что не могу сообщить, кто должен ему дань благодарности. Я поклялся никогда не показывать свое лицо до тех пор, пока не наступят определенные условия. Я конечно же постараюсь воспользоваться его копьём с честью.

Он принял копье и кивнул оруженосцу, который ответил небольшим поклоном. После этого до него с запозданием дошло, кем является его благодетель. Саксонский вельможа, из-за которого Уилфред был изгнан из дома своего отца. Лукас вовсе не возражал, чтобы Ательстан получил Ровену. Он только что ее заслужил.

Красный рыцарь вернулся на противоположный конец поля и взял другое копье. Из рта де ла Круа сочилась кровь.

– Андре! – сказал оруженосец, Марсель, явно напуганный видом крови, когда де ла Круа поднял забрало. Глаза рыцаря были расфокусированы.

– Марсель, воды.

Сквайр понял требование, он знал, о какой воде идет речь. Он забежал в павильон, вернулся с ведром воды и плеснул ее в лицо де ла Круа. Красный рыцарь кашлянул и сделал несколько глубоких вдохов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.